

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ПРОКЛЯТИЕ ОДИНОЧЕСТВА И ТЬМЫ

18+

БРИДЖИТ КЕММЕРЕР

Young Adult. Проклятие Эмберфолла

Бриджит Кеммерер

Проклятие одиночества и тьмы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Кеммерер Б.

Проклятие одиночества и тьмы / Б. Кеммерер — «Эксмо»,
2019 — (Young Adult. Проклятие Эмберфолла)

ISBN 978-5-04-100992-2

Когда королевство проклято... любовь должна зародиться в самом темном сердце. Жизнь Рэна, наследного принца Эмберфолла, всегда была легкой и беззаботной. Но после того как могущественная колдунья наложила на него проклятие, юноша раз за разом вынужден проживать осень своего восемнадцатилетия. И лишь любовь прекрасной девушки может разорвать этот замкнутый круг. Вот только Рэн еще не знает, что с наступлением холодов ему суждено превращаться в безумное чудовище, одержимое разрушением. И очень скоро он уничтожит свой замок, свою семью и последнюю надежду на спасение. Жизнь Харпер, девушки из Вашингтона, никогда не была легкой и беззаботной. Ее отец оставил семью, а мама неизлечимо больна. Когда Харпер становится свидетельницей преступления на одной из улиц города, она решает вмешаться. Но едва приблизившись к нападавшему, Харпер необъяснимым образом оказывается в мире Рэна. Принц? Монстр? Проклятие? Чем больше времени девушка проводит в Эмберфолле, тем отчетливее начинает понимать, что судьба всего королевства зависит от нее. Однако иногда, чтобы снять древнее проклятие, недостаточно даже самой сильной любви...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100992-2

© Кеммерер Б., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	48
Глава 11	56
Глава 12	62
Глава 13	66
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Бриджит Кеммерер

Проклятие одиночества и тьмы

Brigid Kemmerer

A CURSE SO DARK AND LONELY

© Brigid Kemmerer, 2019

The translation of A Curse So Dark And Lonely, Book 1 is published by Publishing House Eksmo by arrangement with Bloomsbury Publishing Inc. and Synopsis Literary Agency. All rights reserved.

Серия «Young Adult. Проклятие Эмберфолла»

© Онищук А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

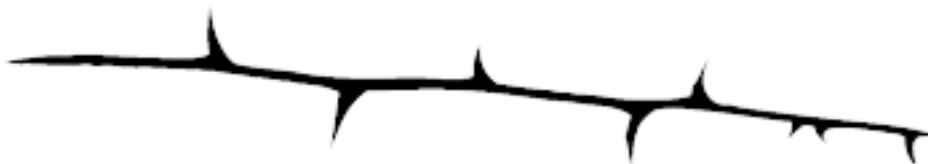
* * *

Моей новой семье в «Стоун Фордж Кроссфит».

Спасибо, что показали, насколько сильной я могу быть

Глава 1

Рэн

Кровь под ногтями... Задаюсь вопросом, сколько своих людей я убил на этот раз.

Я опускаю руки в бочку, стоящую рядом с конюшнями. Ледяная вода обжигает кожу, но кровь не отмывается. Я могу не обращать на нее внимания, ведь она все равно исчезнет через час, но как я все это ненавижу: и кровь, и неведение.

Копыта стучат по брусчатке позади меня, звякает уздечка.

Мне не нужно оборачиваться. Начальник стражи всегда следует за мной на безопасном расстоянии до окончания трансформации.

Начальник стражи. Звучит так, будто у Грея остались подчиненные.

Словно он не получил повышение из-за абсолютного отсутствия других претендентов.

Я стряхиваю воду с рук и поворачиваюсь. Грей стоит в нескольких метрах позади, удерживая поводья Железного сердца – самого быстрого коня, что нашелся в конюшнях. Животное тяжело дышит; его грудь и бока в пене, несмотря на утреннюю прохладу.

Сколько бы времени мы ни провели в заточении, внешность Грея продолжает удивлять. Он выглядит так же молодо, как выглядел в день поступления на службу в Королевскую Гвардию. Его волосы все такие же непослушные, а лицо до сих пор не тронули морщины. Форма сидит идеально, пряжки и ремешки на своих местах, а начищенные орудия блестят в практически крошечной тьме.

Было время, когда глаза Грея горели энтузиазмом, жадой приключений и желанием проявить себя. Этот блеск давно погас, он единственный, что заново не воссоздало заклятие.

Я думаю о том, не удивляет ли Грея так же мой неизменный облик.

– Сколько? – спрашиваю я.

– Ни одного. На этот раз все твои подданные целы и невредимы.

На этот раз. Мне следует почувствовать облегчение, но этого не происходит. Мои подданные скоро снова окажутся в опасности.

– А девушка?

– Исчезла. Как и всегда.

Я снова смотрю на свои руки, запятнанные кровью, и знакомое напряжение сковывает грудь. Повернувшись к бочке, снова погружаю руки в воду. Она настолько холодная, что я практически перестаю дышать.

– Я весь в крови, командор. – Чувствую, как в груди вспыхивает гнев. – Я кого-то убил.

Словно чуя неладное, конь, пританцовывая, топчется на месте. Грей протягивает руку, чтобы успокоить животное.

Было время, когда конюх тотчас бросался к нам со всех ног, чтобы увести лошадь, услышав тон моего голоса. Было время, когда замок полнился придворными, историками и советниками, готовыми платить за самые ничтожные слухи о принце Рэне, наследнике трона Эмберфолла. Было время, когда королевская семья недовольно хмурилась из-за моих выходов.

Сейчас же здесь только я и Грей.

– Я оставил следы человеческой крови по пути из леса, – говорит Грей, не обращая внимания на мой гнев. Он привык к этому. – Конь был хорошей приманкой до тех пор, пока вы не учуяли стадо оленей в южной части ваших владений. Мы довольно далеко отошли от деревень.

Это объясняло состояние Железного сердца. Сегодняшней ночью мы проделали большой путь.

– Я возьму лошадь, – говорю я. – Скоро взойдет солнце.

Грей протягивает мне поводья. Последний час всегда самый тяжелый, полный сожалений об очередном провале. Как всегда, я всего лишь хочу со всем этим поскорее покончить.

– Особые пожелания, милорд?

Поначалу я легкомысленно давал свое согласие, внося уточнения по поводу блондинок и брюнеток, пышной груди, длинных ног и осиных талий. За девушками я ухаживал, спаивал их, а когда очередная не влюблялась в меня, замена ей находилась очень легко. В первый раз проклятие казалось игрой.

«Найди мне девушку в твоем вкусе, Грей», – говорил я, смеясь, словно искать девиц для принца было привилегией.

А затем я изменился, и чудовище промчалось по замку, оставив после себя море крови.

Когда начался первый сезон, я остался без семьи и без слуг, если не считать шестерых стражников, двое из которых были серьезно ранены. К третьему сезону остался только Грей.

Начальник стражи все еще ждет моего ответа, и я встречаюсь с ним взглядом.

– Нет, командор, никаких пожеланий. Любая подойдет.

Я вздыхаю и веду лошадь в конюшню, но по пути останавливаюсь и оборачиваюсь:

– Чью кровь ты пролил в лесу?

Грей поднимает руку и задирает рукав. Из длинной ножевой раны все еще алой струйкой сочится кровь.

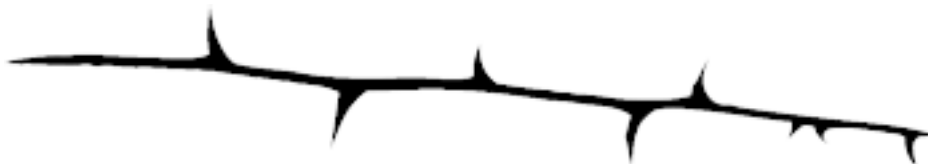
Я бы приказал ему немедленно перевязать руку, но рана исчезнет уже через час, когда солнце взойдет окончательно. Вместе с порезом Грея исчезнет кровь с моих рук и пена с боков лошади. Брусчатка нагреется под теплыми лучами раннего осеннего солнца, а мое дыхание больше не будет вырываться из груди туманными облачками.

Девушка исчезнет, и начнется новый сезон.

Мне снова будет восемнадцать. В триста двадцать седьмой раз.

Глава 2

Харпер

В Вашингтоне, округ Колумбия, настолько холодно, что это переходит все допустимые границы.

Я поднимаю капюшон толстовки, но ткань так сильно износилась, что совсем не спасает от холода. Ненавижу стоять на стреме, но у брата работенка и того хуже, так что я стараюсь не жаловаться.

Где-то в конце улицы орет мужик и сигналист машина. Я стараюсь не дрожать и подальше отступаю в тень. Чуть раньше я нашла старую монтировку у обочины дороги и теперь крепко сжимаю в руке ржавую железяку. Кто бы то ни был, он достаточно далеко.

Бросаю беглый взгляд на таймер на телефоне Джейка: у брата есть еще тринадцать минут. Через тринадцать минут он закончит, и мы сможем пойти выпить по чашечке кофе.

У нас не так много денег, чтобы их тратить, но Джейку всегда нужно немного расслабиться, а кофе помогает. Меня напиток бодрит настолько, что я потом не могу уснуть до четырех утра и, как следствие, пропускаю школу. Я прогуляла кучу дней в последнем учебном году, так что это уже не важно. И, конечно, у меня в школе нет друзей, которые бы по мне скучали.

Так что мы с братом скоро опять сядем за столик, притаившийся в углу круглосуточной закусочной, и руки Джейка, обхватившие кружку, будут трястись еще несколько минут. А затем он мне расскажет все, что ему пришлось сделать. Страшные вещи.

«Нужно было угрожать сломать ему руку. Я заломил ее за спину. Кажется, вывихнул ему плечо. И его дети все видели. Это было ужасно».

«А другому мне пришлось заехать в челюсть и сказать, что я продолжу его бить, пока не вылетят все зубы. Он тут же нашел деньги».

«Еще был один музыкант... Я угрожал раздробить ему палец».

Я не хочу слушать, как мой брат трясет из людей деньги.

Джейк высокий и телосложением напоминает лайнбекера¹, но он всегда был мягким, тихим и добрым парнем. Когда мама только заболела, а отец связался с Лоуренсом и его шайкой, то именно Джейк присматривал за мной. Брат разрешал мне спать в его комнате и устраивал тайные вылазки за мороженым. Это было в те времена, когда папа был с нами и «коллекторы» Лоуренса угрожали ему, чтобы получить обратно одолженные деньги.

Теперь папы нет, а Джейку приходится работать «коллектором», чтобы люди Лоуренса нас не трогали.

Меня одолевает чувство вины. Если бы дело касалось только меня, я бы не позволила ему этим заниматься.

Вот только дело касается не только меня, но и мамы.

Джейк считает, что может делать больше для Лоуренса, тем самым выигрывая нам больше времени. Однако это означало бы переход от пустых угроз к реальным действиям.

¹ Лайнбекер – игрок защиты в американском футболе. Данную позицию обычно занимают широкоплечие и высокие игроки, обладающие огромной силой, поскольку им приходится наваливаться всем весом на игроков противоположной команды, чтобы блокировать атаки.

Джейку пришлось бы калечить людей по-настоящему. Брата бы это сломало. Я уже вижу, как эта «работа» меняет его. Иногда мне хочется, чтобы Джейк пил кофе молча.

Как-то я ему это сказала.

«Думаешь, слушать тяжело? Мне приходится это делать, – сказал Джейк сдавленным, практически сломленным голосом. – Тебе повезло, Харпер. Повезло, что тебе всего-навсего приходится это слушать».

Ага. Я ощущала себя супервезучей.

Тогда я почувствовала себя эгоисткой, ведь Джейк был прав. Я недостаточно быстрая и недостаточно сильная. Брат мог позволить мне только стоять на стреме. Так что теперь, когда Джейку нужно поговорить о своих практически противозаконных действиях, я держу рот на замке. Я не могу драться, но я могу слушать.

Я искоса поглядываю на телефон. Двенадцать минут. Если Джейк не появится через это время, это значит, что с работой все плохо и мне нужно бежать, хватать маму и прятаться.

Бывало, у нас оставалось три минуты. Даже две. Но Джейк всегда успевает. Он может прибежать запыхавшимся и иногда в брызгах крови, но он всегда успевает.

Я еще спокойна.

Ржавчина отслаивается и остается на подушечках пальцев, как только я поворачиваю монтировку в руке. Рассвет скоро, но я, наверное, к этому моменту уже настолько замерзну, что даже не буду обращать на него внимания.

Тихий женский смех раздается где-то неподалеку, и я выглядываю из подворотни. Двое стоят на углу, в кругу из света от уличного фонаря. Волосы девушки блестят, как в рекламе шампуня, она пошатывается, и волосы качаются в такт движению. Все бары к трем часам ночи уже закрыты, но ее это, судя по всему, не остановило. Я смотрю на мини-юбку и джинсовку, и кажется, что я в своей толстовке собралась на северный полюс.

Ее спутник одет удачнее: темная одежда и длинное пальто. Я пытаюсь понять, он коп, поймавший проститутку с поличным, или просто озабоченный, который ищет, с кем переспать. И тут мужчина оборачивается. Я отступаю в подворотню.

Звонкий смех девушки снова разносится по улице. То ли этот тип тот еще шутник, то ли девушка пьяна в хлам. Смех внезапно обрывается вздохом, будто кто-то выдернул вилку из розетки. Я задерживаю дыхание. Повисает внезапная и абсолютная тишина.

Не могу рисковать, чтобы взглянуть еще раз.

Не могу оставить все как есть и не посмотреть.

Джейк сильно разозлится, ведь я здесь только для выполнения одной конкретной задачи. Представляю, как брат кричит на меня: *«Не вмешивайся, Харпер! Ты и без того в опасности!»*

Он прав, но все же при церебральном параличе любопытство не атрофируется. Я высываюсь из-за угла.

Блондинка без сознания лежит на руках мужчины, словно марионетка; ее голова повернута вбок. Рука незнакомца держит ее под коленями, а сам он осматривается по сторонам.

Джейк с ума сойдет, если я позвоню копам. Брат ведь и сам занимается не очень законными делами. Если полиция приедет, то Джейк окажется в опасности. Как и я, и мама.

Я продолжаю пялиться на ее светлые волосы, на неподвижную руку, касающуюся земли. Этот тип может оказаться торговцем органами. Она же может быть мертва или близка к смерти. Не могу просто стоять и ничего не делать.

Я снимаю кроссовки, чтобы моя дурацкая нога не тащилась с шумом по асфальту. Передвигаться быстро при желании у меня получается, но делать это еще и бесшумно – сложная задача. Я срываюсь с места и поднимаю вверх монтировку.

Незнакомец оборачивается в последний момент, но именно это, наверное, спасает ему жизнь. Он охает и спотыкается. Девушка падает и растягивается на тротуаре.

Я снова замахиваюсь для удара, но он реагирует слишком быстро. Он блокирует меня и тут же бьет локтем в грудь, параллельно делая подсечку. Я падаю еще до того, как начинаю осознавать, что вообще происходит. Тело с силой ударяется о землю.

Внезапно мужчина уже почти лежит на мне. Я начинаю отбиваться. Не получается двинуть по голове, но зато удается двинуть ниже пояса, а потом еще и по ребрам.

Противник хватает меня за запястье и прижимает мою руку к тротуару. Я визжу и пытаюсь вырваться, но его колено давит мне на правое бедро, а свободная рука – на грудь. Мне очень больно.

– Брось оружие, – говорит мужчина с акцентом, который у меня не получается распознать. И теперь, когда его лицо над моим, я понимаю, что он молод – ненамного старше Джейка.

Я еще сильнее сжимаю монтировку. Мое частое дыхание вырывается из груди облачками и рассеивается между нами. Я наношу удары свободной рукой, но с тем же успехом могла бы лупить статую. Он усиливает хватку на моем запястье настолько, что я реально начинаю думать, что кости уже соприкасаются друг с другом.

Из горла вырывается всхлип, но я сжимаю зубы и не сдаюсь.

– Бросай, – снова повторяет незнакомец. Его голос становится жестче от злости.

– Джейк! – кричу я, надеясь, что уже прошло достаточно времени и брат уже в пути. Тротуар вонзается холодными кинжалами в спину, каждый мускул болит, но я продолжаю вырываться. – Джейк! Кто-нибудь! Помогите!

Я пытаюсь выцарапать глаза обидчику, но он сильнее сжимает мое запястье. Наши взгляды встречаются, и я не вижу в его глазах ни тени сомнения. Мне сейчас сломают руку.

Где-то неподалеку завывает сирена, но уже слишком поздно. Я снова пробую оцарапать незнакомцу лицо, но вместо этого задеваю его шею. Кровь окрашивает мои ногти, и его взгляд предвещает мой скорый конец. Небо светлеет за спиной противника, постепенно превращаясь из темного в розовый с оранжевыми разводами.

Незнакомец поднимает вверх свободную руку, чтобы то ли меня ударить, то ли задушить, то ли сломать шею. Да и это уже не важно. Мне конец. Последним, что я увижу в своей жизни, будет потрясающе красивый рассвет.

Я оказываюсь не права. Его рука так и не наносит решающий удар. Вместо этого небо просто исчезает.

Глава 3

Рэн

Солнечный свет золотит предметы декора в гостиной, отбрасывая тени на сшитые вручную гобелены и вельветовые кресла, в которых когда-то сидели мои родители. Иногда, если я сижу здесь достаточно долго, могу представить себе, что они здесь. Могу услышать резкие речи отца, полные наставлений и упреков, и тихое неодобрение матери.

Я помню, насколько был высокомерен, и мне хочется выйти из замка и броситься вниз с ближайшего обрыва.

Однако это не работает. Я пробовал, и не один раз.

Я всегда просыпаюсь в этой комнате, залитой солнечным светом, и жду. Огонь уже угасает, потрескивая в знакомом ритме. Каменный пол выглядит так, словно его только что подмели, а вино и кубки уже стоят на столике. Оружие Грея висит на кресле, стоящем напротив, ожидая возвращения владельца.

Всегда все остается неизменным. За исключением тех, кто умер. Они никогда не возвращаются.

Огонь вспыхивает ярче, угли соскальзывают на самое дно камина. Точно по расписанию. Грей скоро появится.

Я вздыхаю. Отрепетированные слова уже готовы сорваться с языка, хотя иногда девушкам требуется некоторое время, чтобы прийти в себя после эфира, которым их усыпляет Грей. Поначалу они боятся, но я научился развеивать их страхи, очаровывать глупышек и убеждать их в том, что мне можно доверять.

Девушки понимают, что напрасно мне доверились, когда зима сменяет осень. Когда видят, во что я превращаюсь.

Воздух дрожит, и я выпрямляюсь. Несмотря на ненависть к проклятию и к неизменному повторению одного и того же в моей жизни, девушки вносят хоть какое-то разнообразие. Как ни странно, мне любопытно, какую же неподвижную красотку Грей принесет на руках сегодня.

Но когда командор появляется на этот раз, он прижимает девчонку к полу.

Ее трудно назвать неподвижной красоткой. Тощая босая девушка впиается ногтями Грею в горло.

Начальник стражи чертыхается и отбивает ее руку в сторону. На его горле тут же появляются кровавые полосы.

Я встаю из кресла, почти упустив нужный момент от неожиданности.

– Командор! Отпусти ее.

Грей отстраняется и поднимается на ноги. Девушка отползает от него подальше, сжимая в руке какое-то непонятное ржавое оружие. Она двигается с трудом и при этом крайне неуклюже.

– Что происходит? – Она хватается рукой за стену и, пошатываясь, поднимается на ноги. – Что ты сделал?

Грей хватается свой меч со спинки кресла и достает его из ножен с неистовством, которого я не видел... веками.

– Не беспокойтесь, милорд. Вероятно, этот сезон будет самым коротким из всех.

Девушка поднимает вверх ржавую палку, словно она может послужить хоть какой-то защитой от тренированного мечника. Темные локоны выбиваются из-под капюшона; лицо девушки усталое, осунувшееся, пепельно-серое. Она старается не переносить вес на левую ногу, и я задаюсь вопросом, не ранил ли ее Грей.

– Давай, попробуй, – говорит девушка; ее взгляд мечется между мной и Греем. – Я знаю хорошее место, куда я тебя еще не била этой штукой.

– И попробую. – Грей поднимает меч и делает шаг вперед. – Я знаю хорошее место, куда я тебя еще не бил этой штукой.

– Довольно, – говорю я. Мне не доводилось видеть, чтобы Грей пытался напасть на кого-то из девушек, но раз он не собирается останавливаться, то мне нужно быть жестче. – Это приказ, командор.

Грей замирает, но меч не убирает и продолжает пристально наблюдать за девчонкой.

– Только не думай, что я позволю тебе снова напасть на меня, – бросает он ей с яростью.

– Не беспокойся, – огрызается девушка. – Я уверена, у меня будет такая возможность.

– Она на тебя напала? – Я удивленно хмурюсь. – Грей, она тебя в два раза меньше.

– Она компенсирует это своим диким нравом. И конечно же, эту девчонку я не выбирал.

– Где я? – спрашивает девушка. Ее взгляд продолжает метаться между мной и мечом в руке Грея, а затем останавливается на двери позади нас. Костяшки пальцев побелели – так сильно она сжимает железку. – Что ты сделал?

– Убери меч, ты ее пугаешь. – Я понижаю голос и косым взглядом смотрю на Грея.

Королевские стражники обучены подчиняться без промедления, и Грей не исключение. Он задвигает меч обратно в ножны и фиксирует оружие ремнем на поясе.

Не могу вспомнить, когда в последний раз Грей носил полное обмундирование в первый день сезона. Вероятно, еще ни разу с тех пор, как у него были подчиненные, чтобы ими командовать, и возникали угрозы, которые нужно было устранять.

Когда оружие исчезло, напряженная атмосфера в комнате несколько разрядилась. Я протягиваю руку вперед и стараюсь говорить мягко, так же как разговариваю с пугливыми лошадьми в конюшне:

– Вам здесь ничего не угрожает. Могу я забрать ваше оружие?

Девушка смотрит на Грея, а точнее, на его руку, лежащую на рукояти меча.

– Ну нет.

– Вы боитесь Грея? Это легко поправить. – Я смотрю на стражника: – Командор, я приказываю не трогать эту девушку.

Грей отступает на шаг и скрещивает руки на груди.

Девчонка наблюдает за нами, а затем глубоко вдыхает и делает робкий шаг вперед, держа железку перед собой.

Что ж, по крайней мере, успокоить ее было так же просто, как и остальных. Я протягиваю ей руку и посылаю ободряющий взгляд.

Она делает шаг навстречу, но затем выражение ее лица меняется, глаза темнеют. Девушка замахивается.

Увесистая железка впечатывается в тело поперек пояса, чуть ниже грудной клетки. Черт побери, а это больно. Я сгибаюсь пополам; у меня практически не остается времени на ответную реакцию, а она снова заносит железку, чтобы ударить меня по голове.

К счастью, я тренировался не меньше Грея, поэтому уклоняюсь от удара и успеваю поймать оружие до того, как оно попадет по мне.

Теперь мне понятно, почему Грей схватился за меч.

Девушка с вызовом смотрит на меня. Я подтаскиваю ее к себе рывком, намереваясь выхватить железку из ее рук. Но внезапно она отпускает оружие, и я валюсь назад. Тяжело

дыша, спотыкаясь и хромая, она ковыляет к двери и скрывается в коридоре. Я позволяю ей скрыться. Железка падает на ковер, а я хватаюсь рукой за бок.

Все это время Грей не шевелится. Он продолжает стоять со скрещенными руками.

– По-прежнему желаете, чтобы я ее не трогал?

Было время, когда он бы не осмелился задать мне подобный вопрос, а мне было бы не плевать на его дерзость.

Я вздыхаю и тут же морщусь от боли, потому что полные воздуха легкие тревожит уже наливающийся на боку синяк. Все началось как нечто необычное и новое, а закончилось простой болью. Если девушка с таким отчаянием дерется и пытается сбежать сейчас, в дальнейшем вряд ли стоит надеяться на что-то.

Тени немного переместились, следуя по знакомому пути. Я видел все это уже сотни раз. Когда сезон закончится поражением, я вновь увижу все это.

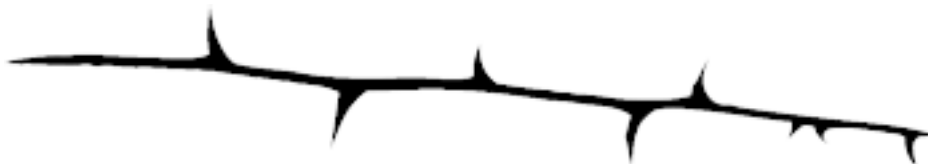
– Она ранена и не сможет далеко уйти, – говорит Грей.

Он прав, а я попросту теряю время, хотя времени у меня немерено.

– Ступай, – говорю я. – И верни ее.

Глава 4

Харпер

Я бегу по длинному коридору, улавливая лишь шум собственного дыхания. Скорее всего, я в музее или в каком-то старинном здании. Ноги с трудом тащатся по бархатистому ковру, покрывающему мраморный пол. Деревянные панели на стенах переходят в каменную кладку, кладка – в высокий арочный потолок. Огромные деревянные двери с коваными железными ручками встречаются через неравные промежутки, тянутся по всей длине коридора. Распахнутых нет.

Я не останавливаюсь, чтобы проверить, заперты ли они, просто бегу. Мне нужно найти кого-нибудь и выбраться отсюда.

За поворотом вижу широкую массивную лестницу, она залита солнечным светом и ведет прямо к парадному входу. Этот зал настолько большой, что по размеру может сравниться со спортивным залом в моей школе. Пол комнаты выложен темным сланцем, огромные окна – из цветного стекла, а двустворчатые двери – из железа. По стенам развешаны гобелены, вышитые фиолетовыми, зелеными и красными нитями с вкраплениями золота и серебра, на свету они мерцают. По краям комнаты стоят столы, заставленные тортами, булочками и боками с шампанским.

С полдюжины белых стульев с позолотой ждут своего часа в углу. Здесь же музыкальные инструменты.

Место выглядит как зал для свадьбы или приема, но точно не для похищения.

Ничего не понимаю, но, по крайней мере, я нашла дверь.

Внезапный звук разрывает тишину – таймер Джейка. Я вытаскиваю из кармана телефон и смотрю на мигающие нули. Горло сжимается от паники. Я не знаю, успел ли брат сбежать.

Нужно взять себя в руки. Я сейчас на открытом пространстве, и слезы мне точно не помогут. Как только я окажусь в относительно безопасном месте, позвоню 911.

Схватившись за перила, сбегая вниз по лестнице. Моя левая нога не слушается и вот-вот совсем откажет, поэтому я мысленно угрожаю отрезать ее, если из-за нее выбраться отсюда не удастся. Угроза действует.

Как только я прохожу мимо стола, музыкальные инструменты все одновременно поднимаются со стульев.

Я пугаюсь и бросаюсь вправо, решив, что они полетят в меня, но инструменты вдруг начинают играть. Симфоническая музыка наполняет холл. В богатой композиции различаю флейты, трубы и скрипки.

Должно быть, это какой-то фокус, какие бывают в парке развлечений. Непонятным образом я привела в действие эту оптическую иллюзию.

Я протягиваю руку и хватаю флейту в надежде, что она держится в воздухе на тонких нитках или на леске, но это не так. Моя рука обхватывает инструмент так, словно я беру его с полки, но при этом я чувствую вибрацию от игры. Вес флейты практически не ощущается, а значит, в ней нет ни батареек, ни колонки, ни чего-то еще. Когда я прикладываю ее к уху, отчетливо слышу мелодию.

Отступаю назад и отбрасываю инструмент подальше. Флейта повисает на прежнем месте и продолжает парить в воздухе, как будто ее держит невидимый музыкант. Клапаны закрываются и открываются сами по себе.

Я с трудом сглатываю. Должно быть, мне это снится или меня напичкали наркотиками. Хватит тратить время. Нужно выбираться отсюда.

Спешу к двери, приготовившись к тому, что она окажется запертой, но это не так. Спотыкаясь, вываливаюсь на мраморное крыльцо. Меня обволакивает теплый воздух. Со всех сторон высятся каменные стены. Ступени ведут вниз к мощенной булыжником дорожке. Куда ни глянь – везде подстриженная трава. Хаотично разбросаны деревья, клумбы и огромный фонтан, выбрасывающий в воздух струи воды. Вдалеке виднеется ярко-зеленый густой лес. Я не вижу никаких тропинок.

Дверь захлопывается за мной, с лязгом возвращаясь на место и заглушая льющуюся из зала музыку. Перил нет, поэтому я осторожно спускаюсь по ступенькам на мощеную дорожку. Здание возвышается надо мной. Оно сложено из огромных кирпичей цвета сливочного мороженого, попадаются блоки из мрамора и какого-то другого камня. Это не музей, это огромный замок.

Тем не менее вокруг ни души. Воздух пронизан всепоглощающей тишиной, не прерываемой ни шумом машин, ни жужжанием проводов, ни гулом самолетов.

Я вырываю телефон из кармана и набираю 911. Телефон пищит – нет сигнала. Я трясущимся гаджетом, словно это может помочь. Все индикаторы сверху светятся серым, показывая отсутствие мобильной связи, Wi-Fi и Bluetooth.

Из груди вырывается всхлип.

Все-таки те инструменты играли сами по себе.

Не могу найти этому объяснение, поскольку слишком беспокоюсь за брата.

В голову приходит новая мысль и заставляет переживать еще сильнее. Если что-то случится с Джейком, то некому будет позаботиться о маме. Я представляю ее лежащей на кровати, заходящейся кашлем от рака, поразившего ее легкие. Маме нужны еда и лекарства, а еще человек, который помог бы ей дойти до ванной.

Глаза застилают слезы. Я вытираю щеки и заставляю ноги бежать. Я вспотела под толстовкой.

Секундочку. Я потею, потому что тепло, хотя в округе Колумбия сейчас жутко холодно.

Меня прошибает озноб. Так, паниковать буду позже, а сейчас нужно двигаться.

Огромная хозяйственная постройка располагается прямо за замком, сразу за задним двором, границы которого обозначены булыжником. Повсюду цветы, вьются по деревянным решеткам и свисают из гигантских вазонов. Везде: и вдоль живой изгороди, и в саду. Людей все еще не видно.

Мои мышцы напряжены и болят от усталости; чувствую, как по лицу стекает струйка пота.

Я молюсь, чтобы эта постройка оказалась гаражом или чем-то подобным. Скоро мне потребуется хоть какой-нибудь транспорт, я же не смогу бежать вечно. Прижавшись к стене замка, пытаюсь отдышаться и расслышать звуки погони. Но ничего не слышу и иду через задний двор к строению, волоча левую ногу, которая молит об отдыхе. Спотыкаюсь на входе и поскальзываюсь из-за промокших носков.

Три лошади вскидывают головы и фыркают.

Ого. Так это не гараж, а конюшня.

Все складывается как нельзя лучше. Я не знаю, как завести машину без ключа, но вот ездить верхом я умею.

Еще до того, как все в нашей жизни пошло наперекосяк, то есть когда у отца были и работа, и репутация, я занималась верховой ездой. Сначала она была просто частью тера-

пии после операций, связанных с церебральным параличом, а затем стала моей страстью. Бег лошади дарил мне ощущение силы и свободы. Несколько лет я работала в конюшнях в обмен на поездки верхом, но потом нам пришлось переехать в город. Из всего того, от чего нам пришлось отказаться, больше всего я скучала по лошадям.

Стойла располагаются вдоль прохода, по тридцать штук с каждой стороны. Они сделаны из дорогой мореной древесины. Доски стыкуются с металлической обшивкой.

Лошади ухоженные, их шкуры лоснятся в солнечном свете, проникающем через мансардное окно. Через ровные промежутки на стене висят уздечки; поблескивают кожаные дорогие удила и пряжки. Сена в проходе не видно, как и мух над овсом. Каждый сантиметр конюшни просто идеален.

Коричневый жеребец с черной гривой вытягивает морду и выдыхает в мою ладонь. Он привязан к кольцу, я замечаю на нем седло. Конь не беспокоился, когда я шла по проходу, и даже сейчас спокойно на меня реагирует. Этого большого статного жеребца с таким же черным, как грива, хвостом зовут Железный Уилл – я видела кличку на золотой табличке, прибитой над стойлом.

Провожу рукой по морде животного.

– Я буду звать тебя Уилл.

Рядом с дверью стоит шкафчик, в котором нахожу сапоги и плащ, а вместе с ними – кинжал на ремне. Ура! Настоящее оружие!

Я оборачиваю ремень вокруг талии и потуже затягиваю. Сапоги мне велики и достают практически до колен, что не так уж плохо, поскольку это дополнительно поддерживает мои щиколотки.

Я прохожу в стойло и закрываю за собой дверцу. Уилл с готовностью принимает узду, несмотря на мои трясущиеся руки и резкое обращение с пряжками.

– Прости, – шепчу я, поглаживая коня по морде. – Давно не практиковалась.

И тут я слышу грубое шарканье ботинок по камню. Шаги приближаются. Замираю на мгновение, а затем прячусь за коня и тяну его в дальний темный угол стойла. Поводья норовят выскользнуть из моей вспотевшей руки, но я не выпускаю их, чтобы жеребец мог закрыть меня собой.

Кто-то, проходя по конюшне, по очереди подзывает к себе лошадей. Тихо сказанное слово, поглаживание. Пауза. Снова шаги.

Кто бы это ни был, он проверяет все стойла.

По боковой стенке моего убежища тянется деревянная полка. Скорее всего, она для корма. Я ставлю на нее ногу, затем взбираюсь полностью и встаю на четвереньки. Не самая удобная позиция для того, чтобы оседлать лошадь, но с земли у меня это тем более не получится. Я концентрируюсь, чтобы попасть ногой в стремя. Пот катится по спине, и мне удастся схватиться за седло. Прилагаю нечеловеческие усилия, чтобы не кряхтеть. Уилл определенно самое терпеливое животное в мире, потому что он стоит абсолютно неподвижно, пока я взбираюсь ему на спину.

Наконец я в седле.

Я так измучена, что готова расплакаться. Нет, я уже плачу. Слезы катятся по щекам. Я просто обязана выбраться отсюда. Обязана!

Шаги сменяются удивленным возгласом, скорее всего, он увидел, что засов отодвинут. Я мельком вижу темные волосы и отблеск стали, когда мужчина вытаскивает меч. Дверь стойла начинает открываться.

Я ударяю Уилла пятками по бокам, яростно крича для большего эффекта. Конь пугается, и не без причины. Я и сама себя пугаю. Жеребец несется вперед, распахивая полностью дверь и сбивая с ног вооруженного стражника.

– Но! – кричу я. – Давай, Уилл! Вперед!

Я еще раз ударяю пятками по бокам животного. Уилл скачет по проходу, входя в раж, и мы уже несемся прочь.

Из-за слез все как в тумане, но зрение все равно вряд ли поможет мне удержаться в седле. Я уже выпустила поводья, когда мы оказались на мощеной дорожке. Пальцы левой руки путаются в гриве, а правой я обхватываю шею коня. Когда мы добираемся до травы, жеребец становится похожим на работающую буровую установку, подбрасывающую меня вверх с каждым прыжком.

Резкий свист разрезает воздух позади меня. Три коротких звуковых сигнала.

Уилл упирается копытами, буксует до полной остановки и резко поворачивается. У меня никаких шансов удержаться в седле. Я падаю и приземляюсь в траву.

На секунду перестаю понимать, где верх, а где низ. Голова кружится.

Я была так близка. Почти получилось!

Преследователи бегут ко мне. Их фигуры кажутся мне нечеткими в солнечном свете – то ли из-за слез, то ли из-за травмы головы. Нужно встать и бежать.

Мне удастся принять вертикальное положение, но ноги отказываются двигаться быстро. Блондин уже рядом и пытается меня схватить. Темноволосый мечник следует за ним по пятам.

– Нет! – взвизгиваю я, отшатываясь от незнакомца и вытаскиваю кинжал.

Мечник начинает доставать из ножен свое оружие.

Я отступаю назад, спотыкаяюсь на ровном месте и падаю на траву.

– Командор, не стоит, – говорит блондин. Он выставляет перед собой ладони: – Успокойтесь, я не причиню вам вреда.

– Вы устроили за мной погоню.

– Мы так обычно и поступаем с конокрадами, – язвительно замечает мечник.

– Грей, – одергивает мечника блондин, бросая строгий взгляд в его сторону, а затем протягивает мне руку: – Прошу, не бойтесь. Вам нечего бояться.

Он, должно быть, шутит.

До этого момента у меня не было возможности рассмотреть второго преследователя, но теперь она появилась. Удивительный профиль с высокими скулами, угловатая челюсть. Темно-карие глаза, и никаких веснушек. Он определенно провел на солнце достаточно времени, никто не назвал бы его бледным. На нем белая рубашка и синяя куртка с высоким воротником, отделанная кожей и вышитая золотом. На груди золотые пряжки, охотничий нож закреплен ремешками на бедре.

Незнакомец смотрит на меня сверху вниз так, словно ему постоянно приходится иметь дело с сумасшедшими девицами.

Я держу кинжал наготове перед собой.

– Говори, где я нахожусь.

– Вы на территории Замка Железной розы, в самом сердце Эмберфолла.

Я ломаю голову, пытаюсь вспомнить достопримечательности с такими названиями, которые находились бы в мыслимом отдалении от округа Колумбия. Замок ведь огромный. Я бы о нем слышала. Сработавший таймер Джейка был той частью пазла, которая никак не хотела становиться на место. Так быстро мечник не смог бы меня никуда перенести.

Я облизываю губы.

– Какой город самый близкий к замку?

– Лунная гавань. – Блондин раздумывает, а затем делает шаг в мою сторону. – Вы озадачены. Прошу, позвольте мне вам помочь.

– Нет. – Я направляю кинжал в его сторону, и он замирает на месте. – Я сваливаю отсюда. Я хочу домой.

– Отсюда вы не сможете найти дорогу домой.

– Он меня сюда притащил, значит, и обратный путь тоже есть. – Я сверлю взглядом вооруженного стражника за спиной блондина.

– Но его нет.

Лицо мечника непроницаемое. Ему чуждо обаяние стоящего передо мной молодого человека.

– Должен быть, – упрямлюсь я, не сводя глаз со стражника.

– Его нет, – четко отвечает он, не меняясь в лице.

– Довольно. – Блондин снова протягивает ко мне руку: – Давайте не будем спорить на этот счет во дворе. Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату. Вы голодны?

Не могу понять: они спятили или я.

– Никуда я с вами не пойду, – говорю я, поудобнее перехватывая кинжал.

– Я понимаю ваше нежелание, но не могу позволить вам покинуть территорию замка. Это небезопасно. У меня нет солдат для патруля Королевской дороги.

– Королевской дороги, – в оцепенении повторяю я.

Все, о чем он говорит, звучит так логично. Он словно и не пытается обманом заставить меня следовать за собой. Скорее он удивлен, что я могу предпочесть другие варианты.

Я абсолютно ничего не понимаю.

– Пожалуйста, – говорит незнакомец еще мягче. – Несомненно, вы понимаете, что мы можем заставить вас последовать за нами и силой.

Сердце пропускает удар. Конечно, я это понимаю. Просто не могу решить, что хуже: дать утащить себя силой или пойти с ними добровольно.

– Не нужно угрожать мне.

– Угрожать? – переспрашивает блондин, удивленно поднимая брови. – Вы считаете, что я угрожаю вам, предлагая безопасность, комфорт и пищу?

В его голосе явно слышна обида. Я знаю мужчин, которые всегда получают то, чего хотят, и они так себя не ведут.

Я не знаю, где я. Мое тело болит, и я не уверена, что у меня получится подняться с земли без посторонней помощи. Определенно, снова бежать я не смогу.

Незнакомец прав: они могут заставить меня силой. Мне же нужно беречь энергию.

Я смогу отдохнуть, поесть, а потом уже найду выход из этой ситуации.

Задержав дыхание, я убираю кинжал в ножны, ожидая протеста со стороны мужчин, но они ничего не говорят.

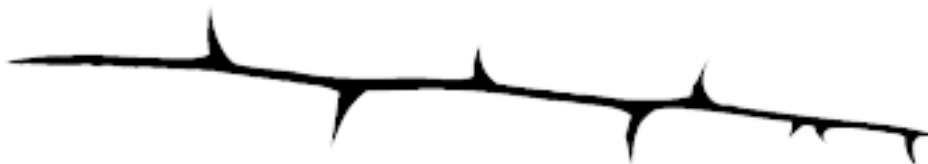
Несмотря на мою решительность, я все равно чувствую себя сдавшейся. Интересно, что бы на это сказал Джейк.

Джейк! Не знаю, в порядке ли он. Понятия не имею, что мне делать.

Я смогу пережить это. Я должна, поэтому я сжимаю зубы, загоняю подальше свои эмоции и хватаюсь за протянутую руку.

Глава 5

Рэн

Мы вернули Железного Уилла в стойло, и теперь девушка молча идет рядом со мной. Ее ковыляющая походка говорит мне о том, что она серьезно ранена. Она идет на некотором расстоянии от меня и Грея, держась руками за живот, причем одна из ее ладоней лежит на рукояти кинжала.

Я потрясен тем, что она нашла оружие, не говоря уже о том, что ринулась к конюшням, чтобы сбежать. Большинство девушек, которых похищал Грей из ее мира, не притронулись бы ни к лезвию, ни к узде. Они скорее бы потянулись к роскоши в гардеробах внутри Замка Железной розы. В начале сезона другие девушки сидели бы у очага, поднимая глаза на меня от своих хрустальных кубков, в то время как я подливал бы им вина и рассказывал пикантные истории, от которых они заливались бы румянцем.

Если бы я вложил хрустальный кубок в руку этой девчонке, она, скорее всего, разбила бы его, а потом осколками попыталась меня ранить.

– Я чувствую, как ты на меня смотришь, – говорит она. Ее черные как смоль волосы блестят на солнце. – Перестань.

С полдюжины комплиментов пляшут у меня на языке, но она не из тех, кто поддается на лесть.

– Я гадал, не назовете ли вы нам свое имя.

Она колеблется, взвешивая возможные последствия данного вопроса.

– Харпер.

А, ну конечно! Ни Аннабет, ни Изабелла, а имя с острыми краями.

– Харпер, – киваю я ей. – Мне очень приятно с вами познакомиться, миледи.

Девушка выглядит так, словно думает, что я над ней издеваюсь.

– А ты кто такой?

– Меня зовут Рэн.

Грей косо смотрит в мою сторону, но я не обращаю на него внимания. Раньше я представлялся бы по-другому, используя титулы в своих интересах и ослепляя девушек обещаниями богатства и власти. С течением времени мое королевство пришло в упадок и пропиталось ужасом. У меня практически не осталось гордости за то, кем я являюсь.

– Ты живешь во дворце, – говорит Харпер. – Мне кажется, должно быть что-то серьезнее, чем просто «Рэн».

– Вы хотели бы выслушать перечень титулов? – Я пытаюсь говорить интригующе, и это требует намного больше усилий, чем обычно. – Уверен, что и у миледи имя подлиннее, чем «Харпер».

Девушка никак не реагирует на мои слова и смотрит в сторону Грея.

– Ну а он?

– Грей из Терновой Долины, – отвечаю я. – Начальник королевской стражи.

– Миледи. – Грей вежливо кивает девушке.

– Начальник. Если он начальник, то это значит, у него должны быть подчиненные. Где же они?

Харпер щурится и явно пытается понять, где же подвох. Понятия не имею, где Грей ее нашел, но такого недоверия к нам не выказывала ни одна из ранее похищенных им девиц.

Где же подчиненные? Многие сбежали, многие погибли. Конечно же, я ей этого не говорю.

– Их нет. Мы тут совсем одни.

– Тут никого больше нет?

– Вы так скептичны. Уверяю вас, на территории замка вы не найдете никого больше.

Я ожидаю еще вопросов, но Харпер просто отходит еще дальше от меня. Она так сильно старается держать дистанцию, что идет практически по самому краю дорожки.

– Не терзайте себя попытками сохранить дистанцию, – говорю я ей. – Вам не стоит меня опасаться.

По крайней мере, в данный момент.

– Неужели? – Она сверлит меня взглядом. – Почему бы тебе тогда не рассказать, что именно ты собирался делать с той девушкой, которую командор Грей собирался похитить?

– Я бы не причинил ей вреда.

Поначалу. И сознательно. К тому же Грей уже наловчился защищать девушек от опасности в те минуты, когда я меняюсь и опасность становится неизбежной.

– Она была без сознания, а не шла по своей воле, – яростно говорит Харпер. – И, к вашему сведению, я тоже здесь не по собственному желанию.

Я вынужден отвести взгляд. Когда-то это саднящее чувство в груди было бы уязвленной гордостью, но сейчас это стыд.

Я вспоминаю те времена, когда мой народ боялся моего восхождения на престол, потому что меня считали испорченным и эгоистичным человеком, совершенно не похожим на своего отца.

Сейчас я все такой же испорченный и эгоистичный, но в несколько ином смысле, и я все так же не гожусь в правители.

Мы уже у ступеней замка. Я предлагаю Харпер свою руку, но она не обращает на жест внимания и, хромая, самостоятельно поднимается вверх. Грей проскальзывает перед ней и тянется к витиеватой золотой ручке. Как только он открывает дверь, оживленная музыка тут же вырывается из главного зала.

Харпер резко останавливается.

– Это всего лишь музыка, – говорю я ей. – Признаюсь, когда-то я считал ее такой же изумительной.

Сейчас же я ненавижу все это.

Обычно девушки были очарованы музыкой, иногда даже приходили в восторг. Харпер же выглядит так, словно хочет развернуться и уйти туда, откуда пришла.

Взяв себя в руки, девушка заходит в зал и пристально смотрит на инструменты. Она дотрагивается пальцами до вибрирующих струн скрипки.

– Здесь определенно должна быть какая-то уловка.

– Можете бросить их в топку, расколотить в щепки, но ничто не остановит музыку. Поверьте, и я многое перепробовал.

Ее брови взлетают вверх от удивления:

– Ты бросал музыкальные инструменты... в камин?

– Именно.

На самом же деле я пробовал сжечь дотла весь замок, причем неоднократно. Музыка продолжала играть даже среди пепла и обломков. В первый раз это было даже довольно занятно.

Я указываю на лестницу, прежде чем она сможет задать еще больше вопросов:

– В вашу комнату, миледи?

Грей остается внизу ждать, а Харпер следует за мной вверх по главной лестнице и следом по западному крылу. Я всегда провожаю девушек в комнату моей старшей сестры Арабеллы, потому что там спокойно и уютно из-за цветов, бабочек и кружев. Арабелла могла бы спать до полудня, если учителя ей такое позволяли, поэтому на прикроватном столике сестры всегда была еда: медовое печенье, джем, ломтики сыра, чайничек с чаем и кувшин с водой. А еще рядом с печеньем всегда стоял маленький горшочек топленого сливочного масла.

Я отпираю дверь ключом и распахиваю ее, а затем киваю в дальнюю сторону комнаты.

– За той дверью вы найдете горячую ванну, а за другой – гардеробную. – Я окидываю взглядом ее изорванный и, кажется, пропитанный потом наряд. – Думаю, вы сможете найти там одежду себе по вкусу.

– И ты оставишь меня одну? – Она спрашивает с большим сомнением.

– Если вы того желаете, – киваю я.

Харпер медленно переступает порог и оглядывается. Ее палец скользит по краю стола и останавливается на миг возле еды, но она ничего не берет.

Я хмурюсь и смотрю на ноги Харпер, которые теперь обуты в слишком большие для нее сапоги какого-то слуги. Ее левая лодыжка выглядит изогнутой, и, видимо, из-за этого ее шаг так неровен.

– Вы уверены, что не нуждаетесь ни в какой помощи с моей стороны?

– В смысле? – Харпер поворачивается ко мне с удивлением.

– Вы определенно ранены.

– Я не... – Она колеблется. – Со мной все в порядке.

Не могу понять, слишком ли она горда, чтобы признаться, просто боится или что-то среднее.

– Ты сказал, что я могу побыть в одиночестве, – говорит она, прерывая мои раздумья.

– Как скажете, миледи, – киваю я.

– Постой.

– Да? – Я замираю от удивления, схватившись за ручку двери.

Она закусывает губу, потом окидывает взглядом пышное убранство покоев Арабеллы.

– Это место и музыка... Ведь все это... – Она умолкает со смущенным выражением на лице. – Не важно.

– Колдовство? – предполагаю я, вскидывая бровь.

Она вдыхает почти с надеждой, а потом ее лицо темнеет, и Харпер хмурится.

– Ты смеешься надо мной. Забудь. Я хочу побыть в одиночестве.

– Как изволите. Я вернусь в полдень. – Я закрываю дверь за собой, но не ухожу.

Нынешний сезон проходит ужасно неправильно. Девушка мне никогда не доверится. Я снова потерплю неудачу.

Я прислоняю ладонь к двери. За ней девушка так и не двинулась с места.

– Я не смеялся над вами, миледи. – Я делаю паузу, но Харпер ничего не отвечает на это. – Замок Железной розы не заколдован.

– Ясно, – говорит она с противоположной стороны деревянной двери. – Так что же с ним?

– Он проклят.

С этими словами я запираю дверь и забираю с собой ключ.

Как обычно, я вымещаю все свое недовольство на Грее, хотя, может быть, это он вымещает свое на мне. Я неплохо владею мечом, но Грей лучше.

Мы на тренировочной арене. Звук сталкивающихся стальных клинков отражается от стропил. Я вижу лазейку и замахиwaюсь для удара в корпус, но Грей уходит от лезвия и изворачивается, чтобы парировать и уклониться. Атаки командора быстры и практически смертельны, и это замечательно, потому что мне как раз нужно сконцентрировать все свое внимание на чем-то.

Меч Грея ударяется о мой, заставляя сделать шаг назад. Мы сражаемся уже час, и мои волосы взмокли от пота. Я готовлюсь нанести контрудар, мои ботинки скользят по пыльному полу арены. Я быстро замахиwaюсь, надеясь заставить Грея перейти в оборону. Поначалу это срабатывает, и стражник отступает. Однако я точно знаю, что это мнимое преимущество. Грей не сдает позиции, а ждет нужного момента. Его безграничному терпению я могу только завидовать.

Не знаю почему, но я помню день, когда Грей был впервые назначен моим личным стражником. В то время я обычно никого из стражи не разглядывал. Стражник – всего лишь подданный, поклявшийся отдать свою жизнь. Если с одним из них что-то случалось, на его место тут же находился другой.

Грею же не терпелось проявить себя. Кажется, лучше всего отпечаталось в моей памяти именно его рвение. Я быстро его уничтожил, как и все остальное.

На арене Грей делает обманный атакующий маневр. Я думаю, что у меня есть шанс, и замахиwaюсь. Лезвие меча образует широкую дугу. Командор уклоняется и молниеносно двигается вперед, чтобы всадить рукоять меча мне в живот, а потом толкнуть меня плечом. Я падаю, роняя меч в грязь.

– Отличная демонстрация, Ваше Высочество, – произносит женский голос из-за ограждения по краю арены. Слова сопровождаются медленными хлопками.

На секунду я лишаюсь рассудка и думаю, что Харпер смогла найти сюда дорогу. Но это не Харпер, а Лилит. Она последняя, а точнее сказать, единственная колдунья в Эмберфолле.

Как-то давно мой отец изгнал всех колдунов из королевства. Я же был слишком глуп, чтобы сделать то же самое.

Взяв меч, я прыжком поднимаюсь на ноги, в то время как Лилит ступает по арене. Ни одна пылинка не смеет прилипнуть к ее юбке.

Я заставляю себя спрятать оружие в ножны, хотя хочется всадить лезвие ей в грудь. Уже как-то подобное пробовал, и ничем хорошим эти попытки не увенчались.

Я встречаю колдунью низким поклоном, а затем беру ее руку и запечатлеваю на ней легкий поцелуй.

– Доброго вам дня, леди Лилит. Утренний свет вам к лицу, как всегда, – говорю я, и в голосе фальшивое очарование.

По крайней мере, я не лукавлю. У Лилит нежная кожа и чувственные розовые губы, которые будто бы хранят какой-то секрет. Ее волосы цвета воронова крыла падают на плечи прекрасными локонами. Изумрудное шелковое платье идеально повторяет каждый изгиб тела колдунии, подчеркивая узкую талию и очертания груди. Цвет платья в тон зелени ее глаз. В солнечном свете, льющемся через окна сверху, Лилит выглядит восхитительно. Как-то она вскружила мне голову, и мой интерес был вызван совсем не тем, чем следовало.

– Какие манеры, – она говорит с легкой насмешкой. – Кто-то даже может подумать, что ты воспитан по-королевски.

Я знаю, что не стоит реагировать на ее слова, но с каждым разом это становится все сложнее.

– Кто-то может и подумать, – соглашаюсь я. – Да, возможно, некоторые уроки я усвоил с опозданием.

Лилит бросает взгляд на Грея, стоящего позади меня.

– Неужели командор Грей и правда думал, что это подобие девушки сможет снять с тебя проклятие?

– Как я понял, она не была его первым вариантом.

– И все же ты отказываешься от возможности и бросаешь ее чахнуть в одиночестве?

– Она отказалась от моей компании. Я не стану принуждать девушку к тому, чего ей не хочется.

– Как благородно, – говорит Лилит, но она явно не видит в этом ничего благородного.

– Я играю в твою игру уже более трех сотен сезонов. Если я одной позволю зачахнуть, как вы выразились, другая в скором времени заменит ее.

– Ты не играешь, – хмурится колдунья. – Ты сдаешься. Уже настолько устал от нашего маленького танца?

Да, именно так. Я ужасно устал.

– Вовсе нет, – говорю я. – Для меня каждый последующий сезон еще занимательней предыдущего, миледи.

Лилит не так просто обмануть.

– Пять лет твое королевство катится в нищету. Твой народ живет в ужасе перед свирепой тварью, которая губит жизни с ужасающим постоянством. Несмотря на это, ты отказываешься от шанса спасти их всех?

Пять лет. Почему-то это кажется мне одновременно слишком коротким и длинным сроком. У меня нет средства отслеживать тонкости ее колдовства. Я знаю, что время идет за пределами Замка Железной розы, что мой народ страдает, но я не представляю, насколько.

Ярость делает слова жестче против моей воли.

– Я не стану полностью брать на себя вину за бедность и страхи моего народа.

– А стоило бы, мой принц. Кто-то наверняка задастся вопросом, как много шансов на спасение предоставит тебе судьба. – Лилит переводит взгляд на Грея: – Командор, а не устал ли ты, часом, от своего дара? Может быть, способность переходить на другую сторону тебе была дарована зря?

Я замираю. В словах колдуньи всегда слышится угроза. Когда-то я был слишком глуп, чтобы не видеть этого, но сейчас я с легкостью читаю между строк.

– Я никогда не устаю от службы, миледи.

Его голос бесстрастен. Грей прекрасно обучен не говорить сверх того, о чем спросили, и не давать повода начаться неприятностям. Скорее всего, он этому научился на службе у меня.

– Командор Грей очень ценит вашу щедрость, – говорю я, стараясь воззвать к ее тщеславию. Если она снимет повязку с Грея, у него не будет возможности переходить в другой мир. Шансов на снятие проклятия будет тогда еще меньше, чем сейчас. – Я часто слышал, как он говорил о вашем великодушии и милосердии.

– Ты такой милый врунишка, Рэн. – Лилит протягивает руку, чтобы потрепать меня по щеке.

Я дергаюсь, и она улыбается. Лилит живет ради этих моментов между страхом и пыткой. Затаив дыхание, я с готовностью жду, когда моя кожа разорвется и из раны потечет кровь.

Тем не менее взгляд колдуньи направлен не на меня. Она хмурится, поворачиваясь лицом к Грею.

– Что случилось с твоей шеей? – Она поднимает руку, но ее пальцы замирают в нерешительности в сантиметре от горла командора.

– Досадное недоразумение. – Грей стоит абсолютно неподвижно.

– Недоразумение? – Лилит проводит пальцем по самой верхней царапине. Под подушечкой ее пальца царапина становится ярко-красной, и струйка крови стекает по шее стражника. – Это ведь сделала девчонка?

Грей не шевелится, на его лице не дергается ни один мускул.

– Да, миледи.

Я нахожусь в оцепенении. Мне хочется остановить ее, но я знаю, что тем самым окажу Грею медвежью услугу.

Лилит плавно пододвигается ближе.

– Ей удалось поранить до крови великого командора Грея. Что ж, пожалуй, мне эта девочка нравится теперь немного больше. – Колдунья проводит сияющим красным пальцем по второй царапине. Крови становится больше.

Грей все еще неподвижен; кажется, даже не дышит. Его взгляд сфокусирован.

Я сжимаю челюсти. Когда-то мне казалось, что худшим в проклятии были погромы чудовища, но достаточно скоро я понял, что это не так. Повторяющиеся из раза в раз унижения и издевки намного хуже. Я бессилен вернуть то, что принадлежит мне по праву. Меня поставили в положение, в котором я должен был оставаться простым наблюдателем и терять чувство собственного достоинства.

Лилит проводит по шее Грея в третий раз. По ее лицу видно, что она задумала что-то коварное.

Грей дергается и втягивает воздух в себя сквозь зубы. Я чувствую запах горелой плоти. Лилит улыбается.

Я делаю шаг вперед и хватаю ее за запястье.

– Прекрати немедленно.

Брови колдуньи взмывают вверх. Лилит выглядит довольной.

– Принц Рэн, что за порыв! Кто бы мог подумать, что ты беспокоишься об одном из своих подданных.

– Ты оставила мне лишь одного человека в подчинении, и я не допущу, чтобы он пострадал. Если тебе хочется позабавиться, то развлекайся со мной.

– Хорошо. – Лилит проводит рукой по моему животу.

Я не чувствую ее ногтей. Я вообще ничего не чувствую, но затем меня пронзает такая боль, словно Лилит разрезает мое тело чистым огнем.

В глазах пятна, и мои колени ударяются о землю. Я почти не замечаю того, что Грей пытается меня поймать. Я прижимаю руку к животу, но рана нанесена магией, поэтому ничто не сможет мне помочь. Огонь разбегается по телу. Стропила вращаются над моей головой. Я хочу, чтобы тьма поглотила меня. Я желаю погрузиться в забвение. Я жажду смерти.

Стою на коленях, оставаясь в вертикальном положении только благодаря Грею, удерживающему меня за плечо. Расплавленная лава течет по моим венам.

«Доставай меч, командор, – хочу сказать я Грею. – Покончи с этим».

Конечно же, это не поможет. Я снова проснусь в проклятой комнате в ожидании Грея с новой девушкой.

– Неужели ты действительно устал от всего этого, мой дорогой принц? Желаете, чтобы я прекратила твои страдания? – вопрошает Лилит надо мной.

– Да, миледи, – едва слышно произношу я. Мои слова звучат как мольба. Даже если прекращение пыток означает, что я умру, то хотя бы мой народ перестанет страдать и Грей получит свободу.

– Я великодушна, принц Рэн, поэтому я дарю тебе милость. Это будет твой последний сезон. Время для тебя будет течь так же, как и для всего Эмберфолла. Как только сезон закончится, Замок Железной розы вернется в свое первоначальное состояние.

Облегчение начинает зарождаться в моей груди, ручейком растекаясь среди безжалостной боли. Наконец-то мой последний сезон! Я переживу эти три месяца и стану свободным. Мне хочется вырваться из хватки Грея и целовать ноги Лилит, обливаясь слезами благодарности.

– Что же будет, когда у тебя снова ничего не получится с девушкой и тебе придется провести вечность в обличии чудовища? – спрашивает Лилит.

Ее вопрос практически заставляет мое сердце перестать биться.

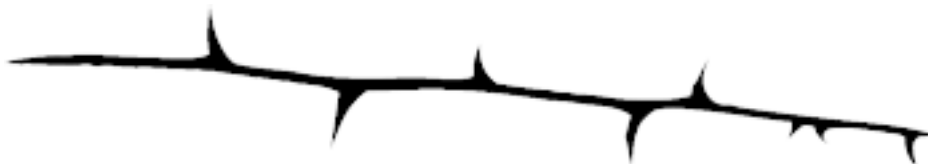
– Не я оставила тебя лишь с одним человеком в подчинении, – говорит колдунья голосом, который острее тысячи ножей. – Не я погрузила Эмберфолл в бедность и ужас. Я также не буду той, кто уничтожит весь твой народ.

Всхлип вырывается из моего горла. Теперь мне хочется плакать по совершенно другой причине. Жгучая боль достигла моей головы, и в моих глазах зарябили звезды.

– Во всем виноват ты, – говорит Лилит, и ее голос постепенно затухает. – Ты, Рэн. Именно ты погубишь их всех.

Глава 6

Харпер

Я планирую побег, но ничего не получается.

Спальня великолепна и так же роскошна, как и весь замок, но, по сути, является надежной тюрьмой. Здесь нет ничего, чем можно было бы вскрыть замок... Да если бы было, то я все равно не знаю, как это делается. Я была уверена, что «поиск острых металлических штук» был первым шагом, и уже здесь я потерпела неудачу. На туалетном столике нет шпилек, но если бы мне захотелось преобразиться, то косметики, лент и баночек с ароматными лосьонами предостаточно. Мне сейчас не до этого.

Кровать с балдахином застелена тяжелыми пуховыми одеялами и атласными простынями. Все розово-белое и вышито маленькими цветочками, а небольшие драгоценные камни складываются в лепестки по краю покрывала. Я пошарила за изголовьем, но не нашла ни одной электрической розетки. Свет в комнату проникает из окон, на стенах масляные лампы. В ванной, слава богу, есть проточная вода. Над полной ванной клубится пар, словно она была набрана только что, а не час назад. Либо это как-то связано с «проклятием», либо здесь где-то спрятан обогреватель.

Для любой другой девушки лучшей частью спальни оказался бы гардероб. Он настолько большой, что может сам служить спальней. В гардеробе сотни платьев от стены до стены. Шелк, тафта² и кружева, ткани всех цветов радуги. В дальнем углу гардероба под крошечным окном расположился комод с пятью ящиками. Я надеялась найти в нем шпильки или даже запасные ключи, но вместо этого нашла кучу драгоценностей.

Бриллианты, сапфиры и изумруды сияют в солнечном свете. Каждое украшение лежит на маленькой атласной подушечке, напоминающей мне об элитных ювелирных магазинах. Серьги, браслеты, ожерелья, кольца, выполненные в разном стиле, от массивных и безвкусных до простых и изящных. Все украшения выглядят настоящими и... дорогими.

Я вспоминаю о маме, заложившей свое обручальное кольцо, чтобы спасти отца от неприятностей, и в моей груди закипает гнев.

Рэн никак не связан с болезнью моей матери, с ошибками моего отца, с «партнерами по бизнесу», но все равно эта комната – как плевок в лицо.

Мне нужно справиться со злостью до того, как она помешает мне здраво рассуждать.

Не загоняйся, Харпер.

Во втором ящике я нахожу три диадемы, усыпанные драгоценными камнями, и тиары. Ну естественно.

Я вздыхаю и открываю третий ящик. В нем одежда, которая практичнее груды платьев: штаны для верховой езды из оленьей кожи, свитеры грубой вязки, тоненькие легкие майки.

Я рассматриваю свои поношенные джинсы и потертую толстовку. Если я хочу выбраться отсюда верхом, мне понадобится одежда получше.

² Тафта – плотная глянцевая ткань из туго скрученных нитей шелка или хлопка.

Достаю штаны для верховой езды, вытаскиваю майку и тонкий темно-зеленый свитер. По бокам и краям рукавов свитера есть кожаные завязки, я тяну за них, чтобы подогнать одежду под себя.

В четвертом ящике лежат плотные шерстяные носки. Я натягиваю их на ноги, шнурую заимствованные ранее ботинки и потуже затягиваю на талии ремешок с кинжалом.

Кинжал! Еще один кусочек пазла, который никак не встанет на место. Если они хотят мне навредить, то почему оставили меня с оружием? А если не хотят, то почему они заперли меня в этой комнате?

Я ничего не понимаю, но в любом случае мне нужно выбираться отсюда.

Только вот единственный путь отсюда – через окно. Из него открывается удивительный вид на конюшню и залитый солнечным светом лес; земля двумя этажами ниже. Я могла бы связать платя в веревку и притвориться, что мое тело способно на подобные выходки.

Я игнорирую еду все утро, но запах меда и свежее испеченного печенья пропитал всю комнату. Я не ела ничего с прошлой ночи, но меня останавливает страх того, что еда отравлена. Я лежу на кровати в одежде и ботинках и думаю. И все мысли возвращаются к еде.

В конце концов я осторожно кусаю печенье, и оно рассыпается у меня во рту. Теплый мягкий мед и сыр тают на языке. Несомненно, это лучшая еда из всей, что мне доводилось пробовать.

Ничего не происходит, поэтому я наедаюсь вдоволь.

Паника отступает, сменяясь ясной холодной решимостью. Как только я выберусь из этой комнаты, я смогу сбежать от тех двоих.

Я вынимаю телефон Джейка из кармана. Я проверяла наличие сигнала уже много раз, но он так и не появился.

Судя по экрану, сейчас полдень. Рэн сказал, что вернется в это время.

Мои мышцы напряжены и переутомлены, поэтому я вряд ли смогу быстро бежать, но я могу застать его врасплох. Я передвигаю кресло к двери и сажусь в него.

Полное одиночество не доставляет мне ничего, кроме беспокойства. Если Джейк покончил с работой и сейчас находится в безопасности, то к этому моменту он наверняка уже знает, что со мной случилось что-то неладное.

Но если Джейк в опасности...

– О Джейк, – шепчу я, глядя на экран телефона. – Как же мне хочется тебя увидеть.

Телефон ничего мне на это не отвечает.

Что ж, на самом деле, есть один способ увидеть брата. Я захожу в галерею с фотографиями. Джейк не часто делает селфи, да и аккаунты в социальных сетях у него вряд ли имеются, но он время от времени фотографируется вместе с мамой, когда она просит.

«Я хочу, чтобы ты меня помнил», – всегда говорит она, и ей невозможно отказать.

Естественно, на большинстве недавних фотографий запечатлены Джейк и мама. Она не часто встает с кровати, поэтому на фото брат лежит рядом с ней и по-дурацки целует ее в щеку. Темные вьющиеся волосы Джейка сильно отросли и лезут ему в глаза. Хрупкая рука мамы держит его за подбородок. Ее глаза смотрят в камеру, а тонкие редкие волосы разметались по подушке.

Как же мне хочется убедиться, что с ними все в порядке. Я с трудом сглатываю комок в горле и переключаюсь на следующее фото. Еще один снимок с мамой, и еще один. Затем фотография со мной и мамой, где я обнимаю ее, прижавшись к ее плечу. Мы смотрим телевизор, и наши лица в розоватых отсветах. Я даже не помню, когда Джейк успел нас сфотографировать.

Я листаю дальше и вижу нас с Джейком, строящими рожицы в камеру. Тогда я хотела поднять брату настроение после работы.

А вот Джейк показывает средний палец в объектив. Классический старший брат.

На следующем фото Джейк с закрытыми глазами уткнулся носом в шею какого-то парня. Губы брата приоткрыты, и мне достаточно легко понять, что этот поцелуй не просто знак дружеской симпатии.

Мои пальцы застывают на экране. У незнакомого парня темная кожа и коротко стриженные волосы. Он лениво и довольно улыбается в камеру, у него добрый взгляд. По углу съемки видно, что именно он делал селфи.

Я точно не встречала его раньше.

Медленно листаю. Они снова вместе, в той же одежде. На Джейке бейсболка козырьком назад, а рука обнимает того же незнакомца за шею. Джейк выглядит счастливым. Не могу вспомнить последний раз, когда я видела его таким.

Нажимаю на фотографию, чтобы увидеть дату съемки. Это было на прошлой неделе. Джейк ни о ком не говорил, так что, возможно, это было увлечение на одну ночь. Я не виню брата за то, что ему захотелось немного развлечься. Ему наверняка ведь нужно хоть как-нибудь снимать стресс.

Странно, конечно, что Джейк мне вообще ничего не сказал.

Я листаю дальше. Еще одно совместное фото, но в другой день. Мой брат смеется, прикрывая глаза рукой, а парень улыбается. Я продолжаю листать и нахожу еще больше их фотографий в разные месяцы.

Мое сердце бьется чаще. Джейк никогда не упоминал, что встречается с кем-то. Ни разу такого не было.

Я не понимаю, что все это значит. Я даже не уверена, что это вообще важно.

Я все еще заперта в этой комнате, а Джейк может быть ранен. Джейк может быть... У меня перехватывает дыхание. Мне нужно перестать думать об этом. Нужно отвлечься.

Дыхание становится прерывистым, я захожу в сообщения. Я ни разу так не любопытствовала, но сейчас мне просто нечем больше заняться.

На экране появляется четыре диалога: Лоуренс – «начальник» Джейка, мама, я и Ноа.

Ноа. Мне не следует открывать переписку.

Я открываю ее.

Последний раз они обменивались сообщениями за час до работы.

НОА: Моя смена закончится в 7. Ты в порядке?

ДЖЕЙК: Ага. Я освобожусь к этому времени.

НОА: Пожалуйста, скажи, чем ты будешь занят.

ДЖЕЙК: Потом скажу.

НОА: Будь осторожен. Договорились?

ДЖЕЙК: Договорились.

НОА: Люблю тебя.

ДЖЕЙК: А я люблю тебя.

Я люблю тебя. Джейк кого-то любит? Мой брат влюблен?

Как жаль, что я ничего не знаю. Мне бы очень хотелось знать, что все это значит. Мы ведь всегда делились всем друг с другом. По крайней мере, я Джейку рассказывала все. Заводить друзей стало невозможно с тех пор, как папа связался с Лоуренсом, а мама проводила практически все время во сне. Очень долгое время мы с Джейком могли полагаться только друг на друга.

В замке заворочался ключ.

У меня перехватывает дыхание. Он вернулся.

Замок щелкает. Дверь открывается.

Я выхватываю кинжал и бросаюсь вперед. Мой план несложен: нанести удар и бежать. Тем не менее я не успеваю перейти к его осуществлению. Мою руку отбивает чужая ладонь,

а чья-то нога ставит мне подножку. Я теряю равновесие и падаю на жесткий деревянный пол. Кинжал отлетает в одну сторону, а телефон Джейка – в другую.

Я смотрю вверх и вместо Рэна вижу Грея.

Перекаत्याюсь, чтобы схватить кинжал и выставить его перед собой. Грей не бросается на меня. Он все так же стоит на пороге.

Кровь пульсирует в ушах, а у стражника едва ли сбилось дыхание.

– Попробуйте направить на меня оружие еще раз, – говорит он, – и я более чем уверен, что последствия вас не порадуют.

Я сильнее сжимаю кинжал.

– Я неплохо справилась ломом.

– А, точно. Та железка. – Грей обводит рукой комнату. – Скажите, вы довольны такого рода последствиями?

– Чего ты хочешь? Где Рэн?

– Ему нездоровится.

Взгляд Грея скользит мимо меня и останавливается на телефоне Джейка, лежащем в паре метров от меня.

Мое сердце останавливается. Телефон – единственная ниточка, связывающая меня с Джейком и мамой. В каком-то смысле.

Я бросаюсь к телефону, но Грей гораздо ближе к нему, чем я. Можно было даже не пытаться. Стражник хмурится, глядя на экран, еще до того, как я преодолеваю половину расстояния.

Встав на ноги перед Греем, направляю на него острие.

– Отдай его мне. Немедленно.

Мой голос полон ярости и страха, и я не могу это контролировать. Взгляд Грея встречается с моим. С такого близкого расстояния я вижу, что следы от моих ногтей на его шее стали ярко-красными. Они выглядят намного хуже, чем раньше. Замечательно. Надеюсь, у него еще и заражение крови.

Грей косится на лезвие между нами и вскидывает брови:

– Вы готовы драться со мной из-за этого?

Его голос холоден как лед, и в нем слышны стальные нотки. Рэн кажется благородным и расчетливым. Грей совсем не такой. Он полон жестокости.

Я сильнее сжимаю кинжал руками.

– Да, готова.

Без какого-либо предупреждения Грей выбрасывает руку вперед и хватает меня за запястье. Я задыхаюсь от ужаса и рвусь назад. Но его хватка слишком сильна.

– Теперь я знаю, что вас не стоит недооценивать.

Соппротивляюсь, словно рыба на крючке, но Грей неподвижен. Собственное дыхание отдается эхом у меня в ушах. Какая же я глупая. Я изворачиваюсь и поднимаю коленку, чтобы можно было ударить противника в промежность.

Грей вклинивается в мой маневр, не позволяя ничего сделать, а затем поднимает мою руку так, чтобы удержать меня на месте. Я почти уверена, что он сейчас двинет мне в лицо или отсечет голову.

– Спокойно. В этом нет необходимости. Вот, возьмите, – говорит стражник.

Его голос звучит спокойно, что очень странно, учитывая наши позиции.

Пульс стучит в голове, поэтому мне требуется секунда, чтобы понять, что Грей протягивает мне телефон.

Я хватаю его свободной рукой и кидаю в карман. Мне хочется плакать от облегчения. Еще мне хочется плакать от того, как сильно Грей держит мою руку у меня над головой.

Стражник медленно опускает руку, но хватку на запястье не ослабляет.

– Эти изобретения здесь не работают.

– Мне все равно. Отпусти меня!

Грей не отпускает. Вместо этого он начинает разжимать мои пальцы, вцепившиеся в рукоятку клинка.

– Прекрати! – Я пытаюсь схватить его за запястье и освободиться. – Тебе нельзя его забирать!

– Я и не забираю. – Грей высвобождает кинжал из моих пальцев, переворачивает его и вкладывает в мою ладонь острием вниз. – Так лучше.

– Что? – спрашиваю я, глядя на него в полном изумлении.

– Если продолжите махать им, как мечом, то вскоре останетесь без руки.

– Я... Что?

Грей разговаривает так, словно мы ведем обычную беседу, а не так, словно я болтаюсь в его руке, как мешок.

– Вы без промедления лезете в драку, вот я и подумал, что владение некоторыми приемами может быть полезным.

Он меня убивать не собирается. Мое сердцебиение постепенно начинает замедляться.

Грей поворачивает мое запястье, и кинжал оказывается на уровне моей груди, нацеленный в его собственную.

– Видите? Теперь вы защищены на случай, если оппонент захочет вас схватить. Если повезет, вы даже сможете насадить меня прямиком на лезвие.

Мои губы шевелятся, но я не могу произнести ни звука. Так же я не могу решить, злиться мне или удивляться.

– Могу ли я попробовать сделать это сейчас?

Грей улыбается, и его глаза выражают неподдельное веселье.

– Как-нибудь в другой раз.

Стражник делает шаг назад и отпускает меня. У меня перехватывает дыхание: я на грани ужаса и восторга. Просто удивительно, что не выронила кинжал.

Грей кивком указывает на окно, откуда в комнату проникает яркий лунный свет.

– Ужин будет подан, когда полностью стемнеет. Его Высочество за вами придет.

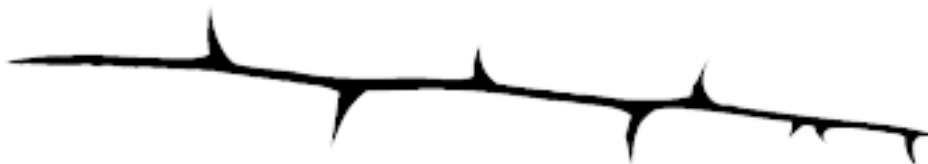
Я заставляю себя кивнуть.

– Ладно. Понятно, – с трудом отвечаю я, сглатывая комок в горле.

Затем Грей уходит, и дверь снова запирается на ключ.

Глава 7

Рэн

Я просыпаюсь, и живот словно наполнен пламенем. Кажется, что тело распадается на части. Я провожу рукой по животу, но не нахожу ни бинтов, ни швов. Лилит не повредила кожу. Бывает, что так даже хуже, потому что магические раны заживают намного дольше обычных.

Огонь из камина отбрасывает тени на стену. Из главного зала слышна музыка. Медленно играющая флейта оповещает, что до ужина час. Я в своей спальне; легкий осенний ветерок дует в лицо из открытого окна.

Я абсолютно один.

Боль пронзает тело, как только я пытаюсь сесть. Втягиваю воздух сквозь зубы и вспоминаю предупреждение Лилит. Она сказала, что этот сезон будет последним. Она превратила грядущее освобождение от проклятия в еще более изощренную пытку.

Прижимаю руку к животу и сажусь.

– Грей.

Голос звучит так, словно я ел пепел из камина.

Командор появляется на пороге.

– Да, милорд?

– Что произошло? – Я провожу рукой по лицу.

Грей подходит к прикроватному столику и открывает бутылку. Красная жидкость блестит на свету, пока он наливает ее в стакан.

– Лилит появилась на арене.

– Помню это. – Я двигаюсь вперед; боль постепенно исчезает. Отметины на шее Грея потемнели и зарубцевались. – Она что-нибудь с тобой делала после того, как я упал?

– Нет. – Грей протягивает мне стакан.

Первый глоток обжигает глотку, затем желудок. Тем не менее я рад такого рода жжению, потому что оно перекрывает другое.

Грей никогда не наливает себе. Раньше королевской страже это было запрещено, но сейчас здесь нет никого, кого бы это могло беспокоить. Однако командор все равно бы отказался выпить, даже если бы я предложил. Мы уже через это с ним проходили.

– Девчонку проверил?

– Проверил.

Когда я запер дверь этим утром, я ждал, что Харпер начнет яростно колотить в дверь. Но вместо этого я не услышал ничего, кроме тишины, в которой читалось мрачное смирение с обстоятельствами.

– Она с тобой хоть разговаривала?

– Она набросилась на меня с кинжалом и была готова драться за одно из этих изобретений, которые у всех них есть.

Я вздыхаю. Неудивительно.

– Что-нибудь еще?

– Она интересная.

Мои глаза широко распахнулись. Такое слово Грей никогда не употреблял раньше в отношении других девушек.

– Интересная?

– Она импульсивна, но будет сражаться до смерти, если ее загнать в угол и если она захочет что-то получить.

Да, это интересно. А если учесть еще тот факт, что больше всего ей хочется домой, то это еще и убивает всяческие надежды.

Она меня боится уже сейчас. Так уж получилось. Осталось дожидаться того момента, когда она увидит чудовище.

Такие мысли абсолютно ни к чему. Я осушаю стакан. Грей собирается наполнить его снова, но я отмахиваюсь. Мне нужно двигаться.

Командор отступает к стене, держась правой рукой за левое запястье. Что-то в нем изменилось, и мне требуется момент, чтобы определить, что именно. Грей полностью вооружен. Длинный кинжал, метательные ножи, стальные браслеты, защищающие его предплечья.

В полном обмундировании я не видел Грея давно. Мы редко покидаем пределы замка, а на его территории ничто не представляет нам угрозы.

– Девчонка тебя напугала, командор? – Я улыбаюсь, наливая себе стакан.

– Нет, милорд.

Голос Грея бесстрастен и ровен. Он никогда не ведется на провокации. Как и отказ от выпивки, это показатель приверженности и преданности Грея своему долгу. Я этому завидую, а еще я это ненавижу. Грей не друг и не наперсник. Он мог бы стать кем-то из них, если бы события развивались по-другому. Если бы я не потерпел неудачу, выполняя свои обязанности, а он бы не потерпел неудачу, выполняя свои.

Я осушаю второй стакан. Можно было бы приказать ему выпить. Тогда бы Грей послушался. Но разве весело пить с человеком, которому ты должен приказывать пить?

Грей был таким с самого начала, еще до того, как проклятие заточило нас в этом аду. Тогда ему казалось, что он должен что-то доказать. Грей в то время бы тлеющие угли в зубах носил, если бы я приказал. Ему повезло, что я до такого тогда не додумался.

Собственные мысли заставляют меня поморщиться. Я не люблю вспоминать о том, что было до, потому что слишком много воспоминаний начинает тесниться в моей голове до тех пор, пока груз потери и горечи не пробудит желание сброситься с самой высокой башни. Многие из этих воспоминаний связаны с Греем.

Грей, принеси мне свежей воды. Нет, я же сказал, мне нужна свежая вода. Неси прямо-ком с водопада, если потребуется.

Грей, моя еда остыла. Сбегай на кухню и принеси еще.

Грей, моя еда слишком горячая. Иди и скажи повару, что в следующий раз я попрошу принести мне его руки, если он не сможет приготовить лучшие. Сделай так, чтобы он поверил.

Грей, герцог Арсонский говорит, что его оруженосец может скакать на лошади целый день без воды и еды, а потом выиграть сражение на мечах на закате. Ты так можешь? Покажи-ка.

Да, Грей мог и так и сделал. Я видел, как он практически умер от этого.

Наливаю третий стакан и делаю глоток.

– Грей, у меня есть для тебя приказ.

– Слушаю, милорд.

– Когда я начну изменяться, я хочу, чтобы ты меня убил, пока у тебя есть такая возможность.

Я приказывал ему делать подобное раньше. Иногда у него получалось, а иногда нет.

На этот раз все по-другому. Я наблюдал за Греем достаточно долго, чтобы понять, что он взвешивает каждое слово.

– Если леди Лилит сказала, что это наш последний шанс, то, если вас убить, вас ждет настоящая смерть, а не новое начало.

– Я знаю.

– Я клялся защищать вас, – говорит командор. – Вы не можете приказать мне нарушить мою клятву.

– Могу, – огрызаюсь я и тут же морщусь, поскольку моему телу все еще больно совершать резкие движения. – И прикажу.

– Вы оставите свой народ без правителя.

Я хочу бросить стакан в пол.

– Мне нечем управлять сейчас, Грей. Если это наш последний сезон, то я не стану рисковать жизнями своих подданных. Я не согласен на такое.

Грей ничего не отвечает.

– Ты это сделаешь, – говорю я.

– Я могу завести чудовище в лес. Я могу держать его как можно дальше от людей. У нас получалось на протяжении многих сезонов.

Грей говорит так, будто мы оба не понимаем, на что способно чудовище. На что я способен.

– Черт побери, Грей. Ты готов вечно уводить меня от людей? – Я указываю на окно в направлении залитых солнцем конюшен. – Ты готов загонять лошадь до смерти каждую ночь до конца своих дней?

Грей ничего не отвечает.

– Ты готов умереть, Грей? – требовательно вопрошаю я. – Потому что именно смерть будет ждать в конце этого пути. Я уверен. Изначально не предполагалось, что проклятие будет снято. Оно всего лишь смертный приговор. Самое настоящее проклятие то, что мы верили в возможность найти выход и спастись.

В глазах Грея мелькает что-то похожее на вызов.

– Мы еще можем найти выход.

– Если у меня ничего не получится до того, как я начну меняться, то тебе придется меня убить, Грей. Это может произойти внезапно, поэтому я отдаю тебе этот приказ сейчас. И освобождаю тебя от клятвы.

– Так вы сокращаете свой последний сезон? На сколько? Шесть недель? Восемь?

– Если я не сниму проклятие к этому времени, то вряд ли будет надежда, когда мной завладеет чудовище.

– А потом что мне делать? Есть ли у вас еще приказы? – холодно спрашивает Грей. Он явно раздражен.

– Начни новую жизнь. Забудь Эмберфолл.

– Должно быть, это просто, я уверен.

– Грей! – Я ставлю стакан на прикроватный столик с такой силой, что его основание откалывается, а осколки со звоном рассыпаются по мраморному полу. – Это мой последний шанс. Я не могу предложить ничего другого. У меня едва ли осталось королевство, чтобы править. У меня нет жизни, чтобы жить. Ничего нет. Я могу предложить тебе страх, боль или смерть; или я могу дать тебе свободу. Понимаешь?

– Понимаю, – отвечает Грей, явно не впечатленный моим выпадом. – Но вы мне ничем не обязаны. И вы играете ключевую роль. Только вы можете снять проклятие. Вам нужно найти женщину, которая вас полюбит. Вам, не мне. Если леди Лилит снова захочет надо мной поиздеваться, то я бы попросил вас не вмешиваться.

– Я не буду просто смотреть, как она наносит тебе еще больший ущерб, Грей.

– И снова у леди Лилит получилось найти очередную вашу слабость.

Я смотрю в сторону. Было время, когда я бы наказал его за такие слова, но сейчас мне просто стыдно.

Небо постепенно темнеет. Я поднимаю взгляд на Грея:

– Ты исполнишь приказ, командор.

– Как скажете, милорд, – отвечает он без промедления. Свое мнение Грей уже выразил.

Я вздыхаю. Как же я устал от всего этого.

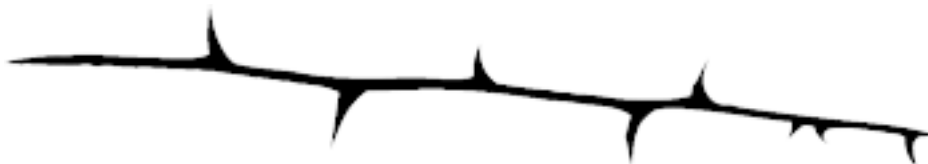
Остался последний сезон.

Я бросаю расколотый стакан в камин. Там он разбивается на тысячу осколков, которые вспыхивают и исчезают.

– Я переоденусь к ужину. Сыграем в эту игру в последний раз.

Глава 8

Харпер

Я лезу в окно.

И пытаюсь не думать об этом, потому что если об этом думать, то я запаникую и передумаю.

Со стороны улицы деревянная шпалерная решетка на стене не выглядела такой высокой, но с этого ракурса я уже вижу свое будущее в гипсе. Или в гробу.

Цветы и плющ обвивают клеть решетки на одинаковом расстоянии от окон. Окна в своем большинстве располагаются слишком далеко друг от друга, так что меня они не интересуют, ведь я не три метра ростом, чтобы дотянуться от них до плюща. А вот окна ванной и гардеробной расположены довольно близко друг к другу, поэтому до решетки между ними я, кажется, могу дотянуться.

Я двигаюсь по подоконнику и не смотрю на землю. Это самое безрассудное, что я когда-либо делала.

Хотя погодите. Самое безрассудное, что я делала, – это атаковала ломом незнакомца на улице. Полагаю, сейчас еще все в порядке.

Я нашла сумку в шкафу и положила в нее запасной свитер и все, что было из еды на подносе. Однако все это будет напрасно, если я не смогу выбраться из этой комнаты.

А если я не выберусь, то тем двоим станет очевидно, что именно я планировала сделать, и в следующий раз они запрут меня где-нибудь, откуда у меня не будет шанса сбежать.

Дыхание становится поверхностным и быстрым. Между моей рукой и решеткой остается еще сантиметров пятнадцать. Я могу прыгнуть на пятнадцать сантиметров.

Сердце бьется и говорит мне, что я не смогу преодолеть это расстояние. Оно также говорит, что падать с высоты десяти метров на землю будет больно и что я дура уже потому, что подумала об этом.

Если бы Джейк мог меня видеть, он бы точно сошел бы с ума.

А затем я думаю о матери, которая сейчас, возможно, умирает в одиночестве в своей спальне.

Кажется, я плачу. Этот день был слишком длинным. Шансы на то, что все обойдется, невелики.

Так, мне нужно собраться. Я вытираю рукавом лицо. Пятнадцать сантиметров – это единственная пропасть, которую мне нужно преодолеть, чтобы увидеть брата и маму, а я просто стою тут и плачу? До полной темноты осталось минут пятнадцать, поэтому мне следует потопиться.

Я проверяю ремешок сумки, собираюсь с духом и прыгаю.

Мои руки хватаются за дерево и спутанную лозу. Сумка сваливается с моего плеча, а правая нога не может найти то, за что можно зацепиться.

Нашла! Испытываю приятный прилив облегчения, утыкаюсь лицом в плющ и практически плачу. Спасибо.

Дерево под моими ногами трескается.

С криком я падаю и пытаюсь за что-нибудь зацепиться, но затем моя нога находит опору в виде декоративного каменного выступа, который выпирает из стены замка всего сантиметра на три.

Я сумела остановиться в трех метрах под окном, ухватившись за деревянную решетку. Мои пальцы горят, словно я их подожгла, а колени сильно ударились о каменную стену. Боль означает, что я жива.

Перед глазами у меня пляшут звезды, и на ужасающую секунду я думаю, что я могу потерять сознание. Нет, я не могу. У меня нет времени, поэтому мое тело должно функционировать.

Дерево трескается. Решетка опять не выдерживает и ломается.

Я продолжаю цепляться, стараясь удержаться, но мои мышцы не успевают среагировать достаточно быстро. Дерево продолжает ломаться. Костяшки содраны, бицепсы горят, повсюду занозы. Плющ царапает мне щеки. Я вот-вот разобьюсь о землю и умру.

Нет, не умираю. Я ударяюсь о землю, и это больно. Я не могу дышать.

О, это была впечатляюще плохая идея.

Я лежу в траве очень долго, размышляя, что же хуже: умереть или быть найденной этими двумя. Все же через некоторое время воздух находит путь в мои легкие, и вместе с воздухом проясняется сознание. Мне больно, но, кажется, ничего не сломано. Треснувшая решетка замедлила мое падение. Это похоже на падение с лошади, а с лошади я сегодня уже падала – и ничего серьезного.

Наконец у меня получается перекатиться на живот и встать на четвереньки. Почти стемнело, и время не на моей стороне. Мне нужно добраться до конюшни до того, как обнаружится, что я сбежала.

У меня получается снова отыскать постройку. Уилл ржет, когда я протягиваю к нему руку.

– Привет, приятель, – шепчу я, чувствуя себя лучше, когда его теплое дыхание щекочет мою ладонь. – Как насчет еще одной прогулки?

В тусклом свете конюшни я седлаю коня и вдруг замечаю кое-что, чего не заметила ранее: огромную карту на противоположной стене от пола до потолка. На самом верху крупным курсивом написано «Эмберфолл». Я закидываю уздечку на плечо и иду по проходу. Мои пальцы пробегают по поверхности карты, скользя по засохшим чернилам, которыми выведены названия городов: Терновая Долина, Хатчинс Фордж, Черногорье. В центре карты рядом с Лунной гаванью искусно нарисован замок.

Карта совсем не похожа на карту Соединенных Штатов, это точно. За моей спиной Уилл бьет копытом землю. Он прав. Нам нужно идти.

В лесу ориентироваться достаточно просто, в частности, потому, что конь и так знает дорогу. Темнота скрывает тропинку, прохладный ветерок шепчется с деревьями. Я продолжаю бросать обеспокоенные взгляды обратно на замок, но не вижу никакого движения и не слышу никаких криков позади. Из-за выброса адреналина я прилагаю все усилия, чтобы не пустить лошадь галопом. Мы сделали это. Мы сбежали.

Внезапно начинает идти снег.

Я резко вдыхаю и тяну за поводья, останавливая Уилла. Снежинки кружат в воздухе вокруг нас. Мое дыхание вырывается изо рта облачками пара. Мозг отказывается признавать такое внезапное изменение, но я не могу отрицать внезапный холод на щеках и снежинки, оседающие на лошадиной гриве. Снег укутывает деревья вокруг нас, а тропа впереди покрывается белыми, сверкающими в лунном свете кристаллами.

Я оборачиваюсь и вижу ту тропу, по которой мы только что прошли. Она тоже засыпана снегом. Падают крупные снежные хлопья.

Такого быть не может.

Я разворачиваю Уилла и направляю его в сторону замка. В одно мгновение снег испаряется. Тепло успокаивает мое замерзшее лицо. Снежинки превращаются в капельки на гриве Уилла.

Замок маячит вдали, подмигивая светящимися окнами сквозь деревья.

Проклят.

Мое дыхание становится быстрым и поверхностным. Музыкальные инструменты могли бы быть искусным трюком, но я точно никогда не слышала о такой резкой смене погоды. Даже генератор снега не смог бы опустить температуру воздуха до нуля.

Уилл мотает головой, пытаясь бороться с поводьями и умоляя определиться с направлением.

Проклятые или нет, а те двое все-таки меня похитили. Так что двигаемся в сторону снега.

Из-за изменения температуры я снова перестаю дышать, а потом еще и осознаю, что одета совершенно не по погоде. Ветер продувает тоненький свитер насквозь, заставляя меня дрожать. Уилл начинает пробираться через сугробы, и через минуту я его останавливаю, чтобы найти в сумке свитер потеплее. Пальцы трясутся от холода.

Деревья постепенно редуют, сменяясь полями. Огромная белая луна висит в небе, превращая обширные нетронутые сугробы в зимнюю сказку. Снег простирается на километры, и нигде не видно никаких огней, как и других признаков цивилизации.

Снег становится более плотным, указывая на то, что когда-то люди здесь проходили. Я подстегиваю Уилла перейти на рысь, но мое тело уже наполовину замерзло, поэтому такой широкий аллюр выкидывает меня из седла. Я пускаю коня легким галопом.

Холод начинает сковывать мышцы. Мы скачем и скачем, а я до сих пор не встретила даже намека на... кого-нибудь. Я сбегала от двух вооруженных мужчин из проклятого замка, но скоро умру от переохлаждения.

Как только я начинаю задумываться о том, чтобы вернуться назад, вдалеке появляется оранжевый огонек. Мой нос чувствует запах дыма.

Это не что иное, как признак жизни после бесчисленных километров снега, залитого лунным светом. Надежда согревает меня изнутри. Я направляю Уилла вперед, но мне не дает покоя предупреждение Рэна о проклятии и отсутствии солдат, патрулирующих Королевскую дорогу. По мере того как мы приближаемся к источнику света, мои мысли начинают виться вокруг сказок о блуждающих огнях и людях, которые последовали за ними и пропали без вести.

Свечение превращается в явные языки пламени, выбрасывающие черноту дыма в небо. На секунду мне кажется, что это огромный костер, но затем я слышу крики и плач ребенка.

Это дом. Дом в огне.

Я натягиваю поводья и пускаю Уилла галопом.

Снег падает с неба, превращаясь в капли из-за жара пламени. Перед горящим сооружением трое детей пытаются спрятаться за женщиной, держащей хныкающего младенца. Все они в тонких ночных рубашках. Дети стоят босиком на снегу.

Мужчина средних лет стоит перед ними с мечом, направленным на женщину.

Я тяну поводья на себя и останавливаюсь, пока меня еще скрывает темнота.

Мужчина глумится над женщиной. Он говорит с сильным акцентом, сильно отличающимся от акцента Рэна и Грея. Я едва его слышу сквозь рев пламени.

– Ты думаешь, что можешь запретить нам войти? Эта земля скоро станет собственностью короны.

– Убей детей, Дольф. Забери женщину, – выкрикивает со стороны пылающего дома еще один мужчина.

– Нет! – кричит женщина, отступая назад и волоча за собой детей.

Мужчина следует за ней до тех пор, пока острие меча не упирается ей в грудь, как раз над плачущим малышом на руках. Женщина продолжает пятиться.

- Вы не можете так поступить. Вы не можете так поступить.
- Я делаю то, что мне велено. Кто знает, может, тебе это понравится.
- Оставь девчонку тоже! – кричит второй мужчина. – Люблю молоденьких!
- Той девочке на вид лет семь.
- Надеюсь, чудовище придет за твоей семьей. – Женщина плюет на Дольфа.

Он поворачивает лезвие меча, и рыдания малыша превращаются в душераздирающий крик.

Я вонзаю пятки в бока коня. Понятия не имею, что мне делать, но Уилл реагирует незамедлительно. Земля разлетается под его копытами. Глаза женщины округляются, когда она видит мчащегося на них коня. Я почти не замечаю, как кто-то из детей кричит: «Смотрите! Лошадь!»

Мы с Уиллом врезаемся в мужчину. Столкновение практически скидывает меня с коня, но зато я получаю удовольствие, наблюдая, как этот негодяй падает. Его сверкающий стальной меч летит по дуге и приземляется слева от меня. Я с трудом выпрямляюсь в седле и разворачиваюсь для повторения маневра.

Мужчина уже поднимается с земли. Из раны на его виске течет кровь. Он спотыкается. Отлично.

Я вытаскиваю кинжал и поворачиваю его острием вниз с намерением нанести удар на ходу. В моей голове звучит дурацкий голос Грея, который повторяет: «Если продолжите махать кинжалом, как мечом, то вскоре останетесь без руки». Скорее всего, я лишусь не только руки. Мои пятки проходятся по бокам Уилла, но он и так уже пустился галопом. Мужчина приготовился лучше меня. Когда я наклоняюсь, чтобы нанести удар, противник ныряет, хватая меня за ногу и стаскивает с лошади. Я весьма признательна сугробу на земле, который смягчил мое падение, но затем мужчина наваливается на меня сверху. Каким-то образом я умудряюсь не выронить кинжал. Я поднимаю его, чтобы вонзить лезвие в...

Бум.

Вижу звезды перед глазами. Мне требуется секунда, чтобы понять, что противник ударил меня рукой в лицо. Еще секунда уходит на то, чтобы почувствовать боль и кровь во рту. Мужчина отводит руку, чтобы снова меня ударить.

Я заново беру руку и вонзаю кинжал ему в спину. Мужчина дергается, и его рука опускается.

Я его ранила. *Я его ранила.*

Часть меня хочет разрыдаться, а другая, более темная, хочет праздновать. *Я сделала это. Я спасла себя.*

Лицо мужчины разглаживается, он валится на бок и падает в снег.

Я смотрю вверх. Женщина стоит надо мной, ее светлые волосы выбились из косы, а частое дыхание вырывается облачками пара в ночной воздух. Она подобрала меч и выглядит так, словно готова прикончить неприятеля, если я еще этого не сделала. Девочка держит младенца, завернутого в одеяло, на котором расцвело кровавое пятно.

Возможно, дело было в крови, в теле на снегу или же в ужасе на лицах детей, но внезапно реальность всего происходящего наваливается на меня.

Все это по-настоящему.

- Малыш в порядке? – спрашиваю я.
- Одеяла толстые. – Женщина кивает. – Там всего лишь царапина.
- Крики мужчин становятся ближе.
- Дольф! Дружище, что происходит?
- Их много, – торопливо говорит женщина. – Они увидят. Мы должны бежать.

Она протягивает мне руку, которую я хватаю и поднимаюсь на ноги, а точнее, пытаюсь подняться. На улице мороз, и моя левая нога отказывается подчиняться. Я едва могу встать на колени.

– Уходите, – выдыхаю я. – Бегите!

– Эй! – кричит мужчина.

Несмотря на сгущенный дымом воздух, голос раздается где-то поблизости.

Женщина подхватывает младенца и встает передо мной, закрывая меня своим телом вместе со своими детьми.

Если эта женщина может быть такой отважной с ребенком на руках, то я могу встать. Я заставляю свою ногу работать и встаю рядом с женщиной.

Четверо мужчин направляются к нам с мечами. Их одежда отделана зеленым, черным и серебряным. Двое из них достаточно молоды, явно ненамного старше Рэна и Грея. А вот двое других постарше.

Один из них держит моего коня, который трясет головой и брыкается в попытке освободиться.

Позади нас дети дрожат и обливаются слезами.

Самый старший из всех смотрит на меня, и его глаза сужаются.

– А ты откуда взялась?

– Из твоего худшего кошмара, – огрызаюсь я.

Он смеется так, словно ему действительно смешно, а затем поднимает меч.

– Это можно исправить.

Сердце громко стучит у меня в голове. Вот и все. Я умру здесь.

Ветер гудит, и я слышу свист. В груди мужчины вдруг появляется стрела, а затем еще одна, прямо под первой.

Неприятель падает к моим ногам, кровь пачкает снег и мои сапоги. Я вскрикиваю от неожиданности и отскакиваю назад.

– Вы должны немедленно покинуть эти владения, – говорит не так давно знакомый мне голос. – Это приказ наследного принца Эмберфолла.

Рэн и Грей на лошадях появляются прямо за мной. У Рэна в руках лук, в нем очередная стрела.

Женщина издает судорожный вздох и пододвигается ближе ко мне. Внезапно ее рука хватается мою. Ее пальцы трясутся.

Мужчины кричат и двигаются так, будто готовы броситься в атаку с мечами.

Рэн выпускает стрелу, которая попадает стоящему в центре прямо в плечо, а следующая вонзается ему в ногу. Все происходит слишком быстро. Незнакомец вскрикивает и падает. Остальные замирают в нерешительности.

– У меня достаточно стрел, чтобы убить вас всех по два раза, – предупреждает Рэн, и очередная стрела уже готова оттянуть тетиву.

Один из мужчин сжимает зубы и делает шаг вперед по направлению к женщине. Она вскрикивает и пьтится назад, отталкивая детей за себя.

Свист стрел. Две из них вонзаются в грудь мужчины, и он падает. Это действует, и оставшиеся убегают, спотыкаясь на ходу.

Наступает мертвая тишина, нарушаемая лишь обрывистым дыханием напуганных детей.

Я смотрю вверх на Рэна и Грея. Их лица озарены желтым светом от все еще полыхающего огня. Оба они в ярости.

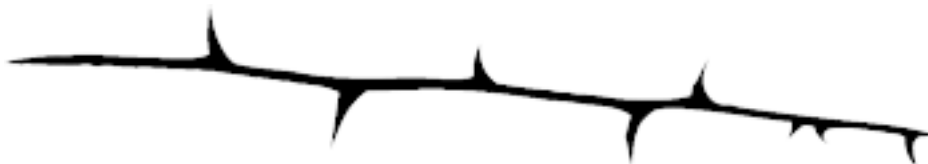
У моих ног лежат мертвые тела, дети плачут на снегу. Вот-вот мой мозг осознает, что же произошло, и я разрыдаюсь.

Вместо этого я выдаю единственное, что приходит мне на ум:

– Спасибо.

Глава 9

Рэн

Я задаюсь вопросом, как бы повело себя проклятие, если бы мы появились минутой позже и обнаружили мертвое тело Харпер.

Я настолько зол, что мне хочется выпустить еще одну стрелу и узнать ответ на этот вопрос.

Языки пламени взвиваются в небо, противясь ветру и снегу. Я смотрю на Грея:

– Проверь павших. Узнай, кто они.

Грей соскакивает с лошади.

Я прикрепляю лук к седлу и спешиваюсь более осторожно. Мои внутренности все еще болят, и погоня за Харпер не дала мне времени на восстановление.

Боль также не способствует улучшению настроения. Не только она, но и сама Харпер, которая смотрит на меня так, словно лишь я один повинен во всем произошедшем.

Грей останавливается рядом с одним из мужчин и ногой переворачивает его на спину.

– На одежде этого человека есть герб, – говорит командор, – но я его не узнаю.

Неудивительно, ведь мы нечасто покидали пределы Замка Железной розы. Да, Грей чаще бывает за стенами, но лишь затем, чтобы увести чудовище подальше от людей.

Грей перемещается к другому мужчине и, откинув отворот куртки, достает у него из-за пояса нож.

– Неплохое оружие. Лучше, чем у простых воров, я думаю.

Младенец справа от меня капризничает, и босоногая женщина бледнеет, пытаясь успокоить его, когда я оборачиваюсь. Женщина сжимает руку Харпер. Обращаю внимание на их одежду и худобу; у этой семьи нечего было брать до пожара, а сейчас и того меньше.

Как только я подхожу к ним, женщина судорожно вдыхает и падает в снег на колени.

– Дети, – шипит она.

Дети тут же повторяют за матерью, прижавшись к ней как можно ближе. Самый младший хватается за плечо женщины, его огромные темные глаза смотрят на меня снизу.

Женщина тянет Харпер за руку.

– Он наследный принц, – шепотом говорит она. – Вы должны склониться.

Харпер встречается со мной взглядом. Она смотрит с опаской и вызовом.

– Он не мой принц.

Я останавливаюсь перед девушкой. Снег оседает на ее темных локонах. На Харпер неподобающая одежда для такого путешествия. Руки испачканы засохшей кровью. На губе тоже кровь; щека припухла. Я прищуриваюсь, глядя на девушку, и поднимаю руку, чтобы коснуться ее подбородка.

– Вы все еще настаиваете на том, что не ранены, миледи?

Женщина судорожно выдыхает и отпускает руку Харпер.

– Миледи, – шепчет она. – Простите меня.

Харпер отводит мою руку от своего лица.

– Я в порядке.

Рядом с нами у маленького мальчика перехватывает дыхание, и он дрожит в снегу рядом с матерью. Я смотрю на женщину:

– Поднимись. Я не могу позволить детям стоять на коленях в снегу.

Женщина колеблется, но затем встает с земли, не поднимая головы. Каждый раз, когда она косо смотрит на горящее здание позади меня, ее дыхание содрогается.

– Мы у вас в долгу, – говорит женщина. – Возьмите все, что у нас есть.

– Я не беру у тех, у кого нечего взять, – говорю я ей. – Как тебя зовут?

– Фрея. – Она сглатывает; ее глаза огромные, словно блюдца. – Ваше Высочество.

– Фрея, кем были эти люди? Что они хотели от тебя?

– Я не знаю, – отвечает она дрожащим прерывающимся голосом. – Ходят слухи о вторжении на севере, но... Моя сестра и ее муж мертвы. Это все... Все, что у нас было...

Двое детей начинают плакать, цепляясь за юбки матери.

Харпер подходит к Фрее.

– Все будет хорошо, – мягко говорит девушка. – Мы что-нибудь придумаем.

Ее строгий взгляд перемещается на меня.

Очевидно, именно я должен что-нибудь придумывать.

– Когда-то здесь неподалеку на севере был трактир, – говорю я. – Знаешь его?

Женщина решается взглянуть на меня.

– «Кривой Вепрь»? Да, верно, но... – Она смотрит на бушующее пламя. – У меня ничего нет. Ни денег, ни... Мне нечем расплатиться.

Фрея прижимает младенца крепче к себе и дрожащей рукой стирает слезу со щеки.

Девочка придвигается ближе к матери.

– Но мы же вместе, – говорит она сквозь собственные слезы. – Ты говоришь, что все хорошо, если мы держимся вместе.

Судя по всему, вместе они просто замерзнут насмерть. Даже если я смогу довести их до трактира, то они не смогут остаться там навсегда. Я вспоминаю об угрозах Лилит и задумываюсь о том, будет ли милосерднее убить их всех сейчас, до того, как чудовище начнет за ними вечную охоту.

Женщина и ее дети очень худы. Мое королевство погибает от нищеты, и я ничего не могу с этим поделать. Это напоминание о том, что даже если у меня и получится снять проклятие, то я все равно останусь ни с чем.

– Если просто смотреть на них, это никак не поможет. – Харпер испепеляет меня взглядом.

Я представляю, как она критикует моего отца в такой же манере. Затем представляю, как он дает ей за это пощечину.

Будь мой отец здесь, он бы и мне пощечину дал за то, что я позволяю Харпер так со мной разговаривать.

Она пробыла здесь всего один день, а я уже ощущаю себя невероятно уставшим.

– Миледи, – сдавленным голосом говорю я. – Могу ли я поговорить с вами наедине?

– Хорошо. – Харпер отходит, прихрамывая. Мне остается только следовать за ней.

Шагов через десять я хватаю ее за руку и поворачиваю к себе.

– Кем ты себя возомнила? – Я смотрю на нее с возмущением.

– А ты кем себя возомнил? – парирует она. – У тебя огромный замок с сотнями комнат. Не можешь выделить им хотя бы несколько?

– А, так ты сбегашь из замка, но другую женщину можешь просить обречь на подобное? – Я вскидываю брови.

– А ты хочешь оставить их замерзать на снегу? Каков принц! – Девушка отворачивается от меня, но я хватаю ее за рукав ее шерстяной блузы, чтобы удержать на месте.

– Ты знаешь, почему эти люди приходили за ней? – Я указываю на тела, лежащие на снегу. – А знаешь, что они действительно хотели тебя убить? Хочешь пригласить еще больше таких ребят?

Харпер сжимает челюсти.

– Я знаю, что они бы расправились с детьми, если бы я не появилась. Я знаю, что они пытались лишить ее земли в пользу короны. А что об этом известно тебе?

– Они бы расправились с детьми, если бы Грей и я не... – Я замираю; из-за раздражения до меня не сразу дошел смысл второго утверждения. – Что ты сказала?

– Я сказала, что эти люди пытались лишить ее земли в пользу короны. В твою, ведь так? – Она вырывается из моей хватки.

– Если они такое сказали, то это была ложь.

Кто-то из детей громко и весело смеется. Я резко поворачиваю голову.

Грей расстелил свой плащ на снегу, чтобы дети могли встать на него. Кажется, командор корчит рожи ребятам. Мальчишка лет четырех набрался смелости выглянуть из-за матери, а малыш помладше хихикает между приступами дрожи и повторяет: «Еще! Еще!»

Когда Грей замечает мой взгляд, он тут же выпрямляется и становится серьезным.

Харпер теряет терпение.

– Они замерзают, – говорит она. – Или помоги им, или убирайся. Я остаюсь помогать.

Девушка возвращается к Фрее и расстегивает сумку, висющую на плече.

– Здесь немного еды, – говорит Харпер, стараясь не трястись от холода. – Она немного помялась, но это хоть что-то.

Взгляд женщины перемещается на сумку, а затем снова на Харпер.

– Миледи, – шепчет она. – Я не могу...

– Можете. – Харпер слегка встряхивает сумку. – Возьмите.

Фрея сглатывает и берет сумку так осторожно, словно в ней что-то ядовитое. Дети же сразу начинают копаться в ее содержимом.

– Мама! – кричит мальчишка. – Сладости!

– «Кривой Вепрь» не так далеко, – говорю я. – Мы поедем вперед и подготовим комнату для тебя и детей.

Харпер удивлена:

– Ты оставишь нас одних?

Я не обращаю внимания на нее и развязываю свой плащ.

– Грей, распредели детей по двум лошадям. – Я становлюсь перед Фреей и накидываю плащ на ее плечи.

Женщина замирает и отступает на шаг, качая головой:

– Ваше Высочество, я не могу...

– Ты замерзла. – Я смотрю на Грея, который сажает самого старшего мальчишку на лошадь. – Начальник стражи защитит вас в дороге.

Харпер смотрит на все происходящее в замешательстве.

– Ты только что сказал, что вы с Греем поедете вперед.

– Нет, миледи. – Я поворачиваюсь к ней: – Я говорил про меня и вас.

Харпер открывает рот и тут же закрывает.

Шах и мат.

Затем ее губы сжимаются в тонкую линию.

– Лошадей больше нет.

– Есть одна. – Я поворачиваю голову и три раза коротко посвистываю, разрезая ночной воздух.

Копыта молотят по земле, и Железный Уилл появляется из клубов дыма. Конь останавливается рядом со мной и ласково прижимается мордой к моему плечу. Я ловлю поводья и чешу Железного Уилла под гривой – он это обожает.

Глаза Харпер распахиваются от удивления, а затем ее лицо озаряется улыбкой.

– Так он не убежал! – Она гладит коня по переносице, а затем обнимает его за голову. – Ловкий прием. Так все лошади прибегают, когда ты свистишь?

– Не все, – легко отвечаю я. – Только мои.

Харпер перестает улыбаться.

– Только... твои...

– Вы сделали хороший выбор. – Я расправляю поводья, затем хватаюсь за переднюю луку и вскакиваю в седло.

Протягиваю руку Харпер, которая просто смотрит на меня с нерешительностью.

– Никому теплее не становится. Нам не стоит задерживаться, миледи. – Я киваю в сторону Фрей и ее детей, а затем снова смотрю на Харпер. – Хотя я только что вспомнил, что вы покинули Замок Железной розы и отправились по собственному пути. Не желаете ли продолжить свое путешествие в одиночестве?

Мои слова привлекают внимание Фрей, и она мешкает перед тем, как посадить четырехлетнего мальчишку рядом с девочкой. Глаза женщины беспокойно мечутся между мной и Харпер.

Девушка тоже это замечает и упрямо поднимает подбородок.

– Не желаю, – отвечает она и тянется, чтобы подать мне руку.

В другое время и при других обстоятельствах я был бы рад ехать верхом вдвоем через снега и ощущать тяжесть девичьего тела за своей спиной, пока мы скачем в одиночестве по бесшумной дороге. Воздух холоден и колюч, и я не чувствовал снега на коже веками.

Сегодня ночью раны от магии на моем животе болят непрерывно и дают о себе знать с каждым лошадиным шагом. Харпер держится за мой ремень, на котором висит меч, вместо того чтобы обхватить руками поперек тела. Это явный отказ подступать ко мне ближе, чем необходимо. Между нами висит напряженное молчание, нарушаемое лишь стуком копыт Железного Уилла в знакомом темпе.

В конце концов приглушенная боль начинает резать меня словно горячим ножом, и пот копится под одеждой. Я замедляю ход.

– Что случилось? – спрашивает Харпер. – Тут же ничего нет.

Нотка тревоги в голосе девушки заставляет меня повернуть голову, чтобы увидеть часть ее профиля.

– Лошадь измотана.

– Похоже, измотан ты.

Так и есть, но тут я осознаю, что Харпер тоже устала. Ее дыхание, вырывающееся облачками пара, настолько же частое, как и у меня. Я задаюсь вопросом, не из простого ли упрямства она молчала и не просила меня притормозить.

Как и мое собственное упрямство заставляло меня делать то же самое.

– У вас, кажется, талант в поиске неприятностей, – говорю я Харпер.

Некоторое время она молчит в раздумьях. Я жду.

– Я просто пыталась найти дорогу домой или хотя бы кого-нибудь, кто мог бы мне помочь, – отвечает она в итоге.

– В Эмберфолле никто не сможет помочь вам вернуться домой. – Я поднимаю руку, чтобы показать направление. – Хотя вам лучше было бы податься на юг в поисках других ком-

паньонов. К западу от Замка Железной розы пролегают лишь хозяйственные угодья, как вы можете видеть.

– Я вижу только снег, Рэн. – Харпер делает паузу. – Принц Рэн.

Она произносит мой титул так, словно хочет меня задеть, но я не реагирую на провокацию.

– Снега в этом сезоне действительно много, – соглашаюсь я.

– Мне теперь обращаться к тебе Ваше Высочество?

– Только если вы сможете делать это без такого презрения.

– До сих пор не могу понять, почему я не могу отправиться домой.

– Между нашими мирами висит завеса, и я не обладаю силой, чтобы ее поднять.

– Но Грей ведь может это делать.

– Проклятие дает ему такую способность лишь на один час каждый сезон. Ни больше ни меньше. – Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на девушку. – Магия когда-то давно была запрещена в Эмберфолле. Ты не найдешь никого, кто сможет тебе помочь.

Харпер снова замолкает. Ветер свищет между нами, проникая под куртку. За моей спиной девушка трясется, ее пальцы подрагивают на моем ремне.

Я быстро расстегиваю пряжки на груди и высвобождаю руки из рукавов, затем протягиваю куртку Харпер.

– Пожалуйста, миледи. Вы замерзаете.

Девушка не отвечает ровно секунду, но холод умеет убеждать, и она выхватывает куртку из моей руки.

– Спасибо, – тихо говорит она, а затем добавляет: – Но ты ведь тоже скоро замерзнешь.

Если повезет, я замерзну насмерть.

– Со мной бывало и хуже.

– Ты правда не отправлял тех людей, чтобы они сожгли дом Фрей? И чтобы забрать ее землю?

– Правда, – отвечаю я, даже не пытаюсь подделывать возмущение. Я помню время, когда сделал бы подобное не задумываясь. Честно говоря, я не должен удивляться, что варвары совершают такого рода деяния от моего имени.

– Почему здесь так холодно, когда в замке так тепло?

– Замок Железной розы и прилегающие к нему земли повторяют один и тот же сезон из-за проклятия снова и снова, пока я не... – Я пытаюсь подобрать нужные слова. Мне редко приходится говорить о проклятии. – Пока я не выполню задание. Время за пределами замка идет медленнее, но оно не стоит на месте.

Харпер не издает ни звука позади меня, словно призрак, если не считать содрогавшегося от холода дыхания. Снег пылью оседает на моих руках и на лошадиной гриве.

– Миледи, вы все еще дрожите, – говорю я. – Вам не следует держаться так далеко от меня.

Ветер дует между нами, делая акцент на беззвучном протесте со стороны девушки.

– Нам не так далеко ехать, – добавляю я. – Было бы не...

Харпер пододвигается вперед и так внезапно обвивает руками мою талию, что я судорожно ахаю. Девушка кладет голову на мою спину, по центру. Дрожь сотрясает ее тело, и Харпер накидывает мою куртку на нас обоих.

Ее объятия настолько сильные, что это почти больно, но я не шевелюсь. Определенно, это, скорее всего, из-за погоды, а не потому, что Харпер вдруг доверилась мне. Тем не менее, когда девушке становится теплее и ее тело расслабляется за моей спиной, я вдруг понимаю, что хоть какая-то крупница доверия ко мне у нее точно появилась. Эта мысль постепенно, по капле питает меня надеждой.

Харпер удобнее перехватывает меня, я втягиваю воздух сквозь зубы и хватаю ее за запястье.

– На несколько сантиметров повыше, миледи, если вы не возражаете.

Она передвигает руки вверх.

– Почему? Тебя ранили?

– Нет, – отвечаю я. – Старая рана.

Харпер охотно верит в эту ложь, и мне это не нравится. Эти моменты с ней доставляют мне большее удовлетворение, чем заигрывания с женщинами с помощью обмана и пустых обещаний. Мы едем вместе верхом в темноте, и так хочется забыть о проклятии, притвориться, что жизни вне этого момента не существует.

– Что бы вы делали, если бы мы не появились? – тихо интересуюсь я.

– Видел их мечи? – говорит Харпер мне в спину. – Более чем уверена, что умерла бы.

Ее голос настолько серьезен, что я смеюсь.

– Я начинаю думать, что вы бы смогли найти выход и из такой ситуации. Как же вы сбежали из замка и Грей этого не заметил?

– Я подозреваю, вы с ним не видели шпалерную решетку?

Девушка едва могла залезть на лошадь. Она точно сумасшедшая.

– Вы слезли по шпалере? Но ведь она даже не под вашими окнами!

– Поверь мне, я поняла это, когда ударилась о землю.

Неудивительно, что я нашел ее перед горящим домом противостоящую отряду мечников. В следующий раз, скорее всего, против Харпер соберется целая армия.

– Вы были ранены и все равно решили прыгнуть...

– Я не ранена!

– А что тогда? – требовательно спрашиваю я. – Есть разница между гордостью и отрицанием очевидного, миледи.

Харпер ничего не отвечает, и ее молчание больше похоже на проявление покорности, нежели гнева. Я жду, что она от меня отстранится, но девушка этого не делает.

– У меня церебральный паралич, – тихо говорит Харпер. – Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Что-то пошло не так, когда я родилась. Пуповина обвилась у меня вокруг шеи, и я застряла в родовом канале. Я не смогла получить достаточно кислорода, и это привело к проблемам с головным мозгом. Некоторые мышцы не смогли правильно сформироваться.

Харпер замолкает, но я чувствую, что это не все, поэтому жду.

– Болезнь на каждого влияет по-разному, – продолжает девушка. – Некоторые не могут ходить или говорить, а кому-то приходится пользоваться инвалидным креслом. Мне было намного хуже, когда я была помладше, поэтому мне пришлось делать операцию, чтобы исправить левую ногу. У меня до сих пор проблемы с равновесием, и я хожу, прихрамывая, но все равно мне повезло.

– У вас необычное определение везения, – хмурюсь я.

Харпер напрягается.

– И это говорит мне человек, который живет в замке с безграничными запасами еды и вина, но называет себя проклятым.

– Ты обо мне ничего не знаешь. – Я злюсь, потому что ей удалось задеть мою гордость.

– А ты ничего не знаешь обо мне.

Между нами воцаряется напряженная тишина.

– Вам удалось чуть передохнуть? – в конце концов спрашиваю я.

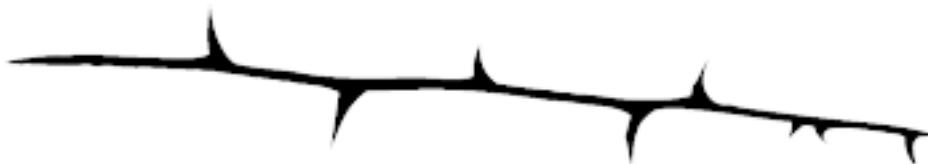
– Ага. А тебе?

– Да.

Не произнеся больше ни слова, я бью коня по бокам и пускаю его галопом. Лишь позже, когда мы достигаем трактира, я осознаю, что Харпер не отодвинулась от меня, несмотря на свои резкие слова.

Глава 10

Харпер

По какой-то причине я думала, что «трактир» будет представлять собой нечто более внушительное, чем двухэтажный домик с плотно закрытыми окнами и тонкой струйкой дыма, поднимающейся из трубы. Вывеска если и есть, то скрыта снегом и темнотой.

Когда Рэн останавливает коня, я выпрямляюсь и отпускаю его талию. Мы сформировали маленький кокон из тепла, а подбитая мехом куртка Рэна пахнет апельсинами и гвоздикой. Мое тело хочет остаться прямо здесь, и именно поэтому я должна перестать держаться за Рэна. Он, может быть, и красивый, и галантный, и хорошо воспитанный, но он не перестает быть похитителем. Именно он запер на ключ мою комнату этим утром.

Между нами внезапно воцаряется неловкое молчание.

– Ты уверен, что это и есть то самое место?

Это было первое, что я сказала с тех пор, как мы поругались. Рэн смотрит на меня через плечо, и я не могу понять выражение его лица. Не знаю, злится ли он до сих пор, мы заключили перемирие или мне снова придется податься в бега.

– Да, миледи.

– Может, хватит уже так меня называть?

– Это просто знак уважения. Когда вы вместе со мной, люди будут думать, что вы либо леди, либо служанка, либо блудница. – Рэн многозначительно поднимает брови. – Предпочитаете быть кем-то из последних перечисленных?

Мне очень хочется ему врезать.

– Слезай с коня, Рэн.

Он перекидывает ногу через шею Уилла, соскакивает на землю, а затем поворачивается, чтобы подать мне руку.

Я не принимаю ее.

– Ты бы подал руку служанке или блуднице?

Рэн не двигается.

– Вы задали вопрос, и я на него ответил. Я не хотел никого оскорбить.

– Что насчет пленницы? Что, если я буду говорить людям, что ты меня похитил?

Рэн все еще протягивает мне руку.

– Я их принц. Они наверняка предложат вас связать и запереть в конюшне.

Какой же он напыщенный. Я игнорирую его руку и перекидываю ногу через лошадиный круп. Я делаю это слишком быстро, назло Рэну. Выходит так, что я это делаю назло себе. Коленка на левой ноге подгибается, когда мои ноги касаются земли. Рэн делает шаг вперед, чтобы поймать меня.

Теперь мы стоим близко друг к другу; его руки легко касаются моей талии. В темноте Рэн выглядит моложе, словно прожитая жизнь отразилась только в его глазах, а тело не поспевало за течением времени. Его загорелая кожа в лунном свете кажется бледной; на его щеках появился намек на щетину.

– Можете стоять? – мягко спрашивает Рэн.

Я киваю. На мгновение мир, кажется, меняется, и я вот-вот сейчас все пойму. Я хочу, чтобы Рэн подождал, не шевелился еще хотя бы секунду. Он отступает назад и направляется к двери трактира, громко стучит.

Ничего не происходит. Я дрожу. Тело сучает по теплу Рэна. Мне нужно продолжать убеждать себя в том, что это принудительное сотрудничество является обманом, что Рэн на самом деле мне враг.

Он заносит кулак, чтобы постучать в дверь снова, и на этот раз она открывается. Грузный мужчина средних лет стоит на пороге с фонарем в одной руке и коротким ножом в другой. Рот мужчины обрамляют усы и борода, на его поясе повязан заляпанный кожаный фартук.

– Проваливай-ка! – кричит мужчина, размахивая фонарем так яростно, что Рэн вынужден отступить назад. – Это мирный дом!

– Очень рад это слышать, – говорит Рэн. – Мы как раз и искали мирное пристанище.

– Никто с благими намерениями не ищет пристанище в темноте. – Мужчина замахивается ножом. – Проваливай отсюда!

За мужчиной что-то мелькает, и из-за угла показывается женщина, сжимающая бледными пальцами какую-то палку.

Рэн делает шаг вперед. Его голос вот-вот наполнится злостью.

– У вас тут трактир или нет?

Я подхожу к нему.

– Рэн, – тихо говорю я. – Они напуганы. Давай не будем их беспокоить.

– Рэн?

Мужчина бледнеет и выставляет фонарь вперед, чтобы осветить Рэна целиком.

– Ваше Высочество, – восклицает трактирщик и роняет нож. – Простите меня. Мы не видели... мы не...

Колени мужчины ударяются о пол так сильно, что я морщусь.

– Я вас не узнал. Простите меня.

– Ты прощен. И если у вас есть свободные комнаты, ты прощен вдвойне.

– Есть, – бормочет трактирщик; он встает, не поднимая головы, чтобы уйти с нашего пути. – Безусловно. Моя семья может поспать в конюшне, Ваше Высочество. Забирайте наш дом. Забирайте наше...

– Мне не нужен ваш дом, – говорит Рэн. – Женщина с детьми стала жертвой пожара. Начальник королевской стражи в скором времени будет здесь вместе с ними.

– Конечно, конечно. Проходите, пожалуйста. – Мужчина жестикулирует, затем смотрит через плечо и кричит в сторону лестницы в конце комнаты: – Бастиан! Иди и позаботься о лошадях!

Мы переступаем через порог. Тепло настолько заманчиво, что я хочу растянуться прямо здесь на ковре.

– О лошади, – говорю я трактирщику. – Она одна.

Мужчина часто кивает, словно это самая естественная вещь на свете.

– Да-да, конечно.

Рэн аккуратно хватает меня за куртку и поворачивает к себе лицом.

– Я все улажу. Погрейтесь возле огня, миледи, – говорит он, делая незначительный акцент на последнем слове.

Я открываю рот, чтобы ему возразить, но Рэн наклоняется ближе.

– Я бы никогда не стал путешествовать вместе со служанкой, – шепчет он мне в шею. – Выбор за вами.

По моей коже бегут мурашки от его дыхания. В итоге я все-таки «миледи».

– Бастиан! Лошади! – снова кричит трактирщик, а затем бросает быстрый взгляд на меня: – Лошадь!

Мальчик, которому вряд ли больше девяти лет, спотыкаясь, спускается по лестнице, потирая глаза. Его каштановые волосы торчат во все стороны.

– Па, я спал. Какая лошадь? Что?

– Бастиан, – голос мужчины резок, словно он говорит сквозь зубы, – у нас гостят королевские особы. Позаботься об их лошади.

Мальчик продолжает тереть глаза. Он косится на меня и Рэна, его лицо все еще сонное.

– Но королевская семья сбежала много лет назад.

Рэн рядом со мной напрягается.

– Бастиан, – шипит трактирщик.

– А что такого? Ты же всегда говоришь, что либо они зазнались, либо умерли, поэтому им нет дела до простых людей, как...

– Довольно! – Мужчина выставляет руки перед Рэном. – Простите его, пожалуйста, Ваше Высочество. Он еще слишком юн, да к тому же еще не проснулся...

– Мы не зазнались и не умерли. – Рэн смотрит на мальчишку, который несколько побледнел от строгости в его голосе. – И сейчас мы здесь.

– Иди! – резко бросает сыну трактирщик.

Бастиан сбегает вниз по лестнице и сует ноги в сапоги. Проскальзывает мимо нас, прихватив с крючка возле двери свой плащ.

– Я поставлю суп на огонь, Ваше Высочество, – поспешно говорит женщина, словно пытаясь сгладить дерзость своего сына. – У меня еще есть свежий хлеб, если он вам придется по вкусу.

Она даже не дожидается ответа, а просто исчезает за углом.

Я остаюсь стоять рядом с Рэном и понижаю голос:

– Люди всегда делают то, что ты хочешь?

– Не всегда. – Рэн поворачивается, чтобы посмотреть на меня с непонятным выражением на лице. – Очевидно же.

Мои щеки краснеют до того, как я понимаю. Мне приходится отвести взгляд в сторону.

– Идите, – говорит Рэн, и его голос несколько смягчается. – Присядьте.

Присесть, пожалуй, лучше, чем стоять и краснеть рядом с ним. Я пересекаю комнату и усаживаюсь на край стула у очага. От огня так тепло, а у сиденья настолько мягкие подушки, что я почти против собственной воли откидываюсь назад.

Женщина появляется с двумя огромными дымящимися кружками. Она предлагает одну сначала Рэну, а потом приносит вторую мне.

– Яблоневого медовуха, миледи, – с гордостью в голосе поясняет она. – У нас был хороший урожай в этом сезоне.

– Спасибо.

Теплая кружка приятно ощущается в моих израненных пальцах. Я делаю большой глоток. Почему-то я ожидала чего-то вроде горячего сидра, но медовуха на вкус похожа на корзину яблок, залитую пивом и медом.

– Невероятно вкусно!

Женщина приседает в реверансе.

– Мой мальчик позаботился о вашей лошади, – сообщает она. – Теперь он растапливает камин в комнатах наверху. Его Высочество сказал, что вы провели долгий день в дороге.

Я провожу рукой по лицу.

– Можно и так сказать. – Я моргаю и смотрю на женщину снизу вверх. – Прошу прощения... Могу я узнать, как вас зовут?

– Меня зовут Эвелин, миледи. – Она снова приседает в реверансе. – Моего мужа зовут Коул. И вам уже довелось познакомиться с нашим сыном, Бастианом.

– Меня зовут Харпер.

– Ах, леди Харпер, это такая честь для нас. – Эвелин запинаяется. – Если я слишком прямолинейна, пожалуйста, скажите мне об этом. Мы не часто слышим о знатных родах в наше время. Мне не знакомы ни ваше имя, ни ваш акцент. Вы прибыли из-за границы Эмберфолла?

– Можно и так выразиться. – Я моргаю.

– О, как чудесно! – женщина хлопает в ладоши. – Долгие годы король держал границы закрытыми, и многие считали, что наши города страдают от отсутствия торговли. В последние годы у нас было мало путешественников.

Эвелин бледнеет.

– Не то чтобы я сомневалась в короле, миледи.

– Конечно, нет, – соглашаюсь я.

Лицо женщины разглаживается от облегчения.

– Но вы здесь вместе с принцем, а это значит, что грядут перемены. Скажите, как называется земля, откуда вы родом?

Я косо смотрю на Рэна и очень хочу, чтобы он оторвался от разговора с Коулом и помог мне избежать этой беседы.

– Округ Колумбия, – слабо отвечаю я.

– Леди Харпер из королевства Колумбия, – говорит Эвелин с благоговением, а затем судорожно втягивает в себя воздух. – Так вы принцесса Харпер? Будет свадьба?

Возможно, холод повредил клетки моего головного мозга.

– Я не... Простите, вы сказали «свадьба»?

Эвелин пододвигается ближе и многозначительно поднимает брови, глядя на меня.

– Да, миледи. Свадьба?

Мне требуется секунда.

– Нет! – Я сажусь так резко, что практически опрокидываю кружку. – Нет. Никакой свадьбы.

– А, так все еще на стадии переговоров. Я понимаю, – многозначительно кивает Эвелин и делает паузу. – Люди будут рады. Было так много беспокойства. Слухи о захватчиках с севера и правда ужасны. Нам приходится запира́ть дверь на ночь.

Да о чем там Рэн так долго разговаривает?

Я поворачиваю голову. Не хочу даже думать о том, как же быстро он проделал путь от похитителя и тюремщика до спасителя.

– Миледи, – Эвелин понижает голос до шепота, – во время путешествия вы, случайно, не падали? Я могу предложить вам лечебные травы, чтобы свести синяк со щеки. Если вам хочется привлечь к себе его внимание, то, возможно, будет не лишним...

– Да, конечно. Спасибо.

Я готова на все, лишь бы эта женщина перестала задавать свои вопросы.

После того как Эвелин уходит, раздается стук в дверь. Коул открывает ее, и в дом врывается холодный ветер, который заставляет пламя в камине трепетать, а меня содрогнуться. Грей стоит на пороге, на его плечах сидит мальчишка, наполовину накрытый плащом. Еще одного ребенка стражник держит на руках. Мальчишка спит, пуская слюни на униформу Грея. Все трое припорошены снегом. За ними идут Фрея, с младенцем на руках, и ее старшая дочь. Фрея и дети выглядят уставшими и измученными.

– Сюда, – говорю я, поднимаясь из кресла. – Я помогу вам.

Эвелин опережает меня, выходя из-за угла.

– Фрея! О Фрея, бедная моя девочка! Когда он сказал про детей, я так боялась, что это случилось с вами. Пойдемте, комнаты уже готовы. Я помогу вам донести детей наверх. Суп уже на огне.

Быстро и по-деловому Эвелин забирает детей у Грея и ведет их к лестнице. Фрея следует за ней по пятам.

Грей стряхивает снег со своего плаща и протягивает его Коулу, который тут же вешает плащ на крючок рядом с дверью.

– Пожалуйста, согрейтесь у огня, – говорит Коул. – Я принесу еду. Бастиан позаботится о лошадях.

Рэн и Грей садятся прямо напротив очага, закрывая собой практически весь свет от огня. Волосы и одежда Грея мокрые от растаявшего снега, его темные глаза настороженно блестят. После всего, что было, я чувствую себя изнеможенной и раненой, а вот Грей, наоборот, выглядит так, словно полон энергии.

Что-то тяжелое ударяет во входную дверь, и я практически подпрыгиваю в кресле. Грей уже на ногах, его меч наполовину обнажен. Дверь открывается, и мальчик заходит внутрь, стряхивая снег со своих волос.

– Лошади в конюшне. – Он накидывает плащ на один из крючков возле двери.

Грей позволяет мечу скользнуть обратно в ножны, а затем опускается на каменный пол возле камина. Если бы я не знала, я бы сказала, что он выглядит разочарованным.

– Что такое? – спрашиваю я. – Хочется с кем-нибудь подраться?

Его глаза встречаются с моими.

– Вы предлагаете?

– Командор.

Голос Рэна резок, и в нем явно слышится предостережение, но выражение лица Грея не враждебное. По его глазам видно, что черный юмор ему не чужд. Я вспоминаю его ровный голос в спальне, когда я готова была драться с ним за мобильный телефон: *«Спокойно. В этом нет необходимости»*.

Я припоминаю, как Грей корчил рожи детям и как он нес их сюда.

– Все в порядке, – говорю я. – Он просто шутит.

В этот момент я чувствую себя так же, как тогда, когда пересекла условную границу в своем сознании и обхватила Рэна поперек пояса. Тревожный голосок в моей голове утверждает, что это все очень опасно. Они меня похитили и заперли.

Затем я думаю о тех мужчинах, которые напали на Фрею и ее детей. Один из них готов был пойти на младенца с мечом, а другой кричал: «Оставь девчонку тоже! Люблю молоденьких». Рэн выпустил кучу стрел, чтобы спасти мне жизнь. Он мог направить лошадь куда угодно, и я бы об этом даже не догадалась, пока не стало слишком поздно. Однако Рэн сдержал слово и привел нас сюда.

Рэн сверлит взглядом Грея:

– Ты не должен желать жестокости!

Кто бы говорил.

– Не в жестокости дело, – отвечает Грей; в выражении его лица не осталось веселья. – Я уже практически забыл, каково это.

Рэн ничего не отвечает, поэтому вопрос задаю я:

– Каково что?

– Быть полезным.

Коул появляется из кухни с подносом, на котором стоят три дымящиеся миски, еще одна кружка и корзинка с рогаликами. В первую очередь он подает еду мне. Я смотрю на какое-то коричневое варево с огромными кусками сыра, который начал плавиться.

Рэн и Грей берут свои миски, и Грей отмахивается от кружки, которую ему предлагает Коул.

– Это всего лишь горячий чай, – говорит Коул. – Я знаю, что королевской страже запрещено употреблять алкогольные напитки.

– Примите мою благодарность. – Грей кивает и берет кружку.

Интересно. Я смотрю на Коула.

– Спасибо вам огромное.

– Всегда пожалуйста. – Глаза Коула на мгновение останавливаются на моем лице, а затем выражение его лица становится несколько напряженным. – Моя жена добавила травы, чтобы унять боль от раны на вашей щеке.

Мужчина бросает холодный взгляд на Рэна и Грея, прежде чем уйти. Мне требуется минута, чтобы понять почему. Странно, что я не сообразила быстрее.

Я отрываю кусочек хлеба и макаю его в суп.

– Коул думает, что ты меня бьешь, – тихо отмечаю я.

– Кто думает что? – Рэн резко вскидывает голову.

– Трактирщик. – Я киваю в сторону кухни, куда направился Коул, указываю на свое лицо и отрываю еще один кусочек хлеба. – Его жена думает, что мы женимся, чтобы примирить две враждующие нации.

Рэн оставляет миску с супом.

– Что конкретно вы наговорили этим людям?

– Ничего! – Я краснею. – Ты разговаривал с ним, и я не знала, что сказать.

– Мы не одни, – тихо замечает Грей и многозначительно смотрит в дальний угол комнаты, в котором сидит Бастиан.

– Я вообще ничего не знаю о том, что тут происходит! – говорю я, понизив голос до шепота. – Как я должна была отвечать на ее вопросы, по-твоему?

– А, так вы решили, что помолвка с целью объединения враждующих королевств – это лучший выход из ситуации? – Рэн снова берет миску с супом. – Вполне разумно.

Я морщусь.

– А чего мы вообще шепчемся? Может, ты просто им скажешь, что они все не так поняли?

– Не сейчас. Вы понимаете вообще, как появляются сплетни?

Я не могу понять, злится Рэн или нет.

– Ты ведешь к тому, что если им сказать, что это неправда, то они еще сильнее поверят в это?

Он кивает и отрывает кусок хлеба.

Я чувствую себя так, будто напортачила, не прилагая для этого особых усилий.

– Ну ты мне о себе ничего не рассказал, так что я вообще не знала, что говорить.

Рэн макает хлеб в суп.

– Я бы рассказал вам больше о себе, если бы вы составили мне компанию за ужином, а не полезли вниз по шпалере.

Грей смотрит на меня.

– Так вот как вы сбежали? Вы слезли по шпалере?

– Упала, – поправляю я. – Я упала с нее и большую часть сорвала со стены.

Я смотрю на Рэна, потом на Бастиана в углу.

– Он сказал, что королевские особы либо зазнались, либо умерли, поэтому не покидают пределы замка. Что это значит?

– Давайте спросим у него. – Рэн снова отставляет миску и подзывает ребенка к себе: – Малец, иди сюда.

Бастиан подпрыгивает и оглядывается явно в поисках родителей. Коул появляется на пороге кухни и смотрит на сына. Мальчик медленно приближается к нам, но сохраняет дистанцию, нервно играя с подолом своей рубашки. Он переводит взгляд с Рэна на Грея, но ничего не говорит.

– Ты о лошадях хорошо позаботился? – спрашивает Рэн.

Бастиан кивает:

– Я растер им спины и ноги, как папа меня учил.

– Напоил?

Снова кивок:

– Я разбил лед в поилке.

Рэн меняет положение, чтобы запустить руку в карман, и достает серебряную монету.

– Премного благодарен.

Глаза мальчика распахиваются. Монета приманила его поближе, и теперь Бастиан стоит между мной и мужчинами. Мальчик берет ее и крутит между пальцам.

– Я еще ни разу не держал в руках серебро. – Бастиан косо смотрит на отца, стоящего на пороге кухни, а затем снова на Рэна: – Мне можно ее себе оставить?

Рэн кивает.

– С утра причеши лошадей и покорми их, тогда получишь еще одну такую же.

– Хорошо, – улыбается Бастиан.

– Когда мы прибыли, ты говорил о королевской семье. Что тебе известно?

Улыбка сходит с лица мальчика. Коул перемещается из кухни к выходу. Он явно разывается между подчинением короне и защитой собственного ребенка. Всего одним вопросом Рэн накалил обстановку в комнате.

Он явно осознает это, потому что поднимает руку в примирительном жесте.

– Тебе нечего бояться, если ты будешь говорить правду.

Бастиан сглатывает и снова смотрит на отца.

– Я... Я не знаю.

– Что ты слышал?

– Мой папа говорит... – Мальчик замолкает и облизывает губы, словно понимая, что это не лучшее начало.

Коул пересекает комнату и встает у сына за спиной. Кладет руки ему на плечи, и впервые в его голосе звучит не почтение, а покорность.

– Его отец говорит много чего, и чаще всего в шутку.

– Не нужно красивых слов, трактирщик. Мне нужна правда.

– Тогда спрашивайте меня, а не моего сына.

Брови Рэна взлетают вверх. Я замираю в кресле, становясь невольным свидетелем их противостояния. Напряжение напоминает мне о ситуациях, когда коллекторы приходили трясти моего отца. Я хочу сбежать так сильно, что стараюсь сделаться невидимой.

Коул осознает, что только что поставил ультиматум принцу.

– Если вас не затруднит, Ваше Высочество.

– Тогда говори, что думаешь, – подводит итог Рэн.

На секунду комната погружается в тишину, пока оба мужчины разрываются между правдой и вежливостью.

– Вы все прячетесь, – говорит мальчик очень тихо. – От чудовища.

От чудовища? Тут еще и чудовище имеется?

Затем я припоминаю, как Фрея сказала: «Надеюсь, чудовище придет за твоей семьей».

Я пытаюсь откашляться.

– От чудовища?

Рэн откидывается назад и поднимает кружку.

– Вот поэтому я и ищу ответы у детей.

– Вот как, – говорит Коул; его голос резок. – Некоторые верят, что наши правители бросили Эмберфолл и живут в безопасности вдали от него, оставив народ страдать от лап неведомого чудовища, что обитает в замке. Неудивительно, что мы не защищены от атак извне. В течение пяти лет мы просили помощи, но наши просьбы остались без ответа. Народ голодает, наши родные умирают. Уж простите за такие дерзкие слова, но похоже, что королю не до людей, которые населяют его королевство, и ему есть дело лишь до тех, кто входит в круг его приближенных.

В комнате снова наступает напряженная тишина, укутавшая нас всех, словно покрывало.

Рэн отставляет свою кружку и встает. Его глаза переполнены эмоциями, но он лишь коротко кивает Коулу:

– Я благодарен тебе за честность.

Он треплет мальчишку за подбородок.

– По поводу монеты утром все в силе. Мы уйдем на рассвете.

Рэн направляется к лестнице. Я вскакиваю с кресла и следую за ним.

– Рэн, постой. Погоди.

Он останавливается, но не смотрит на меня.

– Пожалуйста, не сбегайте от нас снова, миледи, или хотя бы дайте мне сперва немного поспать.

– Что только что произошло?

– Вы хотели ответов. Вы их получили.

Я чувствую себя так, будто знаю еще меньше, чем раньше.

– Так это правда? – Я понижаю голос. – Твой отец действительно прячет свою семью в безопасном месте, пока какое-то лютое чудовище убивает людей?

– Не говорите ерунды. – Рэн решает все-таки посмотреть на меня. – Конечно, нет.

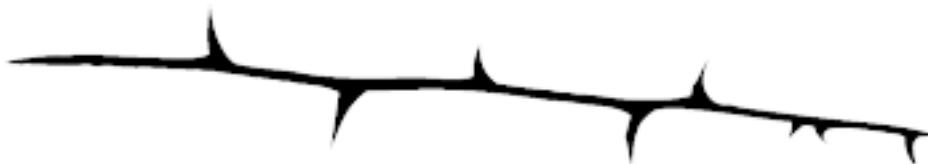
Я задерживаю дыхание и изучающе смотрю на него, чувствуя, что все не так просто.

Рэн кладет ладонь мне на руки и наклоняется поближе. Он говорит низким и тихим голосом, чтобы его могла услышать только я:

– Мой отец мертв, миледи. Вся моя семья мертва. – Он отстраняется и встречается со мной взглядом; его голос не меняется, когда он добавляет: – Чудовище убило их всех.

Глава 11

Харпер

Со временем напряжение в доме уступает место изнеможению, и все приходит к тому, что тишина нарушается только воем ветра за окном и потрескиванием камина в гостиной. Задняя часть трактира разделена на три спальни наверху, кухню, столовую и покои владельцев на главном уровне. Фрея и дети заняли две спальни наверху.

Рэн предложил мне третью, но у меня не было желания оказаться снова запертой, поэтому я посоветовала ему и Грею занять ее.

Коул и Эвелин попробовали предоставить мне их спальню на ночь, но я не хочу вытеснять их из собственной кровати и заставлять спать на конюшне, как упомянул Коул, когда мы только прибыли. Вместо этого я устроилась в гостиной в мягком кресле с толстым вязаным пледом, который мне дала хозяйка трактира.

Когда Эвелин и Коул уходят к себе в комнату, расположенную за кухней, я улавливаю такие слова, как «переговоры» и «королевская свадьба», и это заставляет меня вздохнуть. Сегодняшний день, очевидно, меня абсолютно вымотал, потому что я засыпаю и сплю до тех пор, пока громкие щелчки и хлопки не будят меня.

Грей стоит перед очагом, подбрасывая дрова в огонь. В глазах у меня словно песок. Свечи потушили, когда все отправились по кроватям, поэтому единственным источником света в комнате остался камин. Лицо Грея скрыто в тени, но я вижу, что он полностью одет и вооружен.

– Что случилось? – шепотом спрашиваю я.

– Огонь практически погас, миледи, – отвечает он так же тихо.

– Нет, я не об этом. Почему ты не спишь?

Он бросает на меня косой взгляд.

– Возможно, вы не в курсе, чем стражники занимаются?

Я все больше убеждаюсь в том, что у Грея своеобразное черное чувство юмора, спрятанное под его педантичностью и профессионализмом. Его шутки похожи на диверсию. Мне это нравится.

– Думаешь, Коул и Эвелин собираются прикончить Рэна во сне?

Грей качает головой:

– Меня больше беспокоят те люди, которые сожгли ферму. – Он смотрит на дверь; ветер свистит в замочную скважину и щели между досками. – Снег должен прикрыть наши следы, но за нами в любом случае было достаточно легко проследить.

Я выпрямляюсь в кресле. Подобное мне в голову не приходило.

– И ты думаешь, они нападут на трактир?

– Люди погибли, – говорит он бесстрастным деловым голосом. – Это, определенно, возможно.

– Ладно. Я уже выпалась.

– Как угодно. – Грей отходит в угол возле лестницы. Его темная одежда плавно смешивается с темнотой. Если бы огонь не поблескивал на гранях его оружия, я бы вообще не знала, что он здесь.

– Ты был здесь всю ночь? – шепчу я.

– Да.

Мне не хочется чувствовать того облегчения, которое приносит мне его ответ. Я достаю из кармана телефон, чтобы проверить время. На часах 4:02.

Я отсутствую уже почти двадцать четыре часа. Почему-то мне кажется, что это слишком много, но одновременно вообще ничего. Джейк, должно быть, с ума сходит.

Внезапно для себя морщусь. Я надеюсь, что Джейк сходит с ума. Надеюсь, что он не умер и не попал за решетку, что ему не пришлось смотреть, как патологоанатом застегивает мешок с маминым телом.

Я громко шмыгаю носом и нажимаю на кнопку, чтобы открыть фотографии. Мне хочется посмотреть на маму, но телефон показывает мне последнее открытое мной изображение: Джейка и Ноа.

Они выглядят такими счастливыми. Так странно, что в мире существует парень, который, возможно, так же сильно беспокоится за моего брата, как и я.

– Что вы делаете?

Голос Грея раздается прямо надо мной.

Я взвизгиваю и нажимаю на кнопку, чтобы выключить экран.

– Ничего. – Я прижимаю телефон к груди.

Грей стоит за креслом и смотрит на меня сверху вниз. Его глаза сужаются.

– Ты не можешь его забрать. – Я сильнее сжимаю телефон в руках.

– Даже не собирался. – Грей делает паузу, а затем в его голосе появляется новая нота, которая больше похожа на удивление, чем на беспокойство. – Вы плачете.

Прекрасно. Я быстро утираю слезы, а затем прячу телефон под плед.

– Не обращай внимания.

Мой голос звучит низко и хрипло.

Грей отходит от кресла. Его шаги очень легкие, стражник движется как тень. Поначалу я думаю, что он направляется обратно в свой угол. Вместо этого он садится перед очагом. Низенький столик стоит между креслами, и Грей подтаскивает его, чтобы разместить между нами. Затем он отстегивает от ремня небольшой мешочек и достает из него что-то обернутое в красную ткань.

Вопреки всему мне любопытно.

– Что ты делаешь?

Грей разворачивает ткань и расстилает ее на столе. Он поднимает взгляд, чтобы посмотреть на меня.

– Вы сказали, что спать не будете. Не хотите ли сыграть?

В его руках колода карт.

Я облизываю губы.

– Ты носишь с собой игральные карты?

На губах Грея появляется призрак улыбки.

– У стражника всегда есть с собой карты.

Колода намного больше, чем те, к которым я привыкла, и бумага, из которой сделаны карты, выглядит намного плотнее.

– Можно посмотреть?

Грей кивает и вкладывает карты мне в руки.

Они тяжелее, чем я ожидала. Бумаге добавляют плотности позолоченные грани. Когда я присматриваюсь, то замечаю, что каждая карта расписана вручную. На картах нет цифр, но их заменяет количество различных предметов. Странно только, что нет трэф и пик.

– Что это за масть? – спрашиваю я, держа карту с шестью кругами.

– Камни. – Грей кивает на карту, а затем поясняет снова, когда я показываю следующую: –
Короны.

Я нахожу еще одну карту с другой мастью.

– Дай угадаю. Мечи?

Стражник кивает, затем указывает на следующую карту в колоде:

– Червы, миледи.

Я раскладываю карты на столе, изучая их дизайн. Количество карт точно такое же, как в обычной колоде, хотя здесь есть карты только до девяти. Карты с фигурами поразительно детализированы – от хмурого короля с короной, которая, кажется, инкрустирована настоящими сверкающими камнями, до королевы, чье платье, кажется, сделано из кусочка атласа. Масти на этих картах определяются по отметкам на нагрудном знаке короля и по юбкам королевы. Букв *K* или *Q* на картах нет, но по изображениям и так все понятно.

Моя рука останавливается на карте, которая должна быть валетом. Светловолосый молодой человек держит щит с огромным красным сердцем посередине.

– Рэн, – шепчу я.

Грей стучит по краю карты, которую я держу в руке.

– Червовый принц. – Грей тянется, чтобы собрать карты, и лениво тасует их в руках.

– Он есть в колоде карт, – бормочу я. Неудивительно, что люди узнают его в лицо. – Как-то дико.

– Ваши лидеры изображены на деньгах. – Грей просит жестом карту, которую я держу, а затем ловко вкладывает в колоду. – Разве есть разница?

Я недоуменно моргаю.

– Откуда ты это знаешь?

– Я бы не назвал себя абсолютным невеждой по отношению к вашему миру. Как иначе?

– Не знаю. Я все еще не понимаю, что ты там делал. Зачем ты пытался похитить ту девушку? Рэн сказал, что ему нужно выполнить какое-то задание.

Грей начинает раздавать карты на двоих.

– Мне запрещено говорить о многих вещах.

– Естественно. – Я вздыхаю.

– Однако также о многих не запрещено. – Стражник заканчивает раздавать, оставив семь карт передо мной и ровно столько же перед собой.

Оставшуюся часть колоды он располагает между нами, положив рядом карту: пять мечей.

– Задавайте ваши вопросы.

– Первый вопрос: во что мы играем?

– Королевский выкуп. Нужно совмещать масти или фигуры. Королевы и принцы шальные. Первый, кто останется только с королями на руках, становится победителем, но если ты кроешь принцем, то можешь забрать у противника одного из королей.

Я мысленно повторяю правила. Нужно совмещать масти или фигуры. Мой уставший мозг справится. У меня на руках есть пять корон, и я выкладываю карту на стол.

– Ты знаешь про наши деньги. Значит, эта девушка была не первой, кого ты пытался похитить.

– Не первой. – Грей кладет семь корон сверху.

Я кладу семь камней.

– Как много их было?

Три камня.

– Сотни. Признаю, я даже со счета сбился.

Моя рука замирает на тройке мечей. Не знаю, какое число я ожидала услышать, но точно не такое.

– Сотни? Ты похитил сотни девушек? – Я смотрю на него с подозрением, пытаюсь осмыслить услышанное. – Уточни, сколько же тебе лет?

– Уточнить не могу. Проклятие началось в первый день осени, когда мне было двадцать. Оно длится один сезон, а затем, если не снято, сезон повторяется вновь.

– Так тебе двадцать лет уже... вечно?

– Дольше, чем обычно, я бы сказал. – Грей слегка трясет головой. – Когда сезон начинается снова, не кажется, что время прошло. Я не чувствую возрастных изменений. Все это похоже больше на сон, чем на воспоминания.

Интересно.

– Сколько лет Рэну?

– Ты прибыла как раз в день его восемнадцатого дня рождения.

– Восемнадцатого... дня рождения? Сегодня у него день рождения? – Мой голос набирает громкость, когда я вспоминаю инструменты и столы, заставленные тортами, десертами и деликатесами. Вечеринка без гостей.

– Ты ему похищаешь девушку на день рождения?

Взгляд Грея непоколебим.

– Я выбираю девушку, чтобы снять проклятие. Ни больше ни меньше.

Я изучаю его.

– Окей, и что я должна делать?

– Когда-то я бы ответил на твой вопрос, но я наблюдал в течение долгого времени, как проклятие остается проклятием. Не уверен, что ты сознательно можешь хоть что-то сделать.

– Рэн сказал, что ему нужно выполнить задание.

– В каком-то смысле, – осторожно соглашается Грей, и я понимаю, что мы приблизились к вопросам, на которые он не может мне ответить.

– В общем, я здесь застряла.

Он кивает.

– Навсегда?

– Если проклятие снять не получится, то ты вернешься домой, когда закончится сезон. Не раньше.

Три месяца. Я перебираю карты в руках, пытаюсь не дать панике завладеть мной. Ничего не произошло. Ничего не изменилось. Я справлюсь.

– Что случилось с другими девушками?

– Зависит от сезона и от девушки.

– Кто-нибудь умер?

– Не все, но некоторые – да. – Грей указывает на стопку карт между нами: – Ходите, пожалуйста.

Я кладу карту в стопку. Мое дыхание внезапно становится поверхностным.

Грей бросает карту поверх моей, и долгое время мы играем в тишине. Огонь трещит за спиной стражника.

В конце концов Грей вынужден тянуть карту из колоды.

– Так мало вопросов, миледи?

– Зачем ты это делаешь?

Грей кладет королеву камней.

– Я дал клятву защищать королевскую семью на благо Эмберфолла. Только мне была дарована способность пересекать границу между нашими мирами. – Стражник тянет за кожаный шнурок в месте, где доспехи охватывают его предплечье. Под ними блестит серебряная лента. – В начале каждого сезона эта повязка дает мне провести час в вашем мире. Нам приходится пережить сезон и начинать сначала.

С минуту я прокручиваю все услышанное в голове.

– Сезон заново начинается для всех?

– Нет, только на территории Замка Железной розы. За его пределами время идет.

Так вот почему время года изменилось, когда мы зашли в лес.

– Что насчет чудовища, о котором говорят люди?

– Что вы хотите знать?

– Коул говорит, что оно живет в замке.

Грей сомневается.

– Это всего лишь слух, чтобы защитить народ от проклятия. Не более того.

– И что же это за чудовище?

Руки Грея замирают на картах.

– Оно всегда разное, но неизменно ужасающее.

– Разное как?

– Иногда оно представляет собой огромного зверя с рогами и клыками. Иногда это рептилия с острыми, как ножи, когтями. Иногда – и это хуже всего – у чудовища есть крылья, и оно может подниматься в воздух.

– Но это одно и то же чудовище? Откуда ты знаешь, что не разные?

Глаза стражника встречаются с моими, но Грей ничего не говорит.

Я закусываю губу и выкладываю на стол очередную карту. Все спят, но я все равно понижаю голос:

– Рэн сказал, что его семья была убита чудовищем. Король и королева?

Грей медленно кивает:

– И сестры, миледи.

Эта информация не должна заставлять все сжиматься у меня внутри, но я ничего не могу поделать. Мне не хочется сочувствовать Рэну, но мысли о Джейке и маме поглощают меня, и я все-таки сочувствую.

– Коул и Эвелин считают, что король и королева прячутся. Люди не знают, что они мертвы?

Грей медлит с ответом.

– Если народ узнает, что правители мертвы, могут возникнуть очень серьезные проблемы. Восстание. Гражданская война. Королевство может быть атаковано, а у нас нет армии, чтобы защищаться.

Я смотрю на Грея.

– Король закрыл границы и замок, поэтому Эвелин сказала, что торговля прекратилась. И поэтому все так обеспокоены вторженцами.

– Принц Рэн закрыл границы, используя печать своего отца. Он распустил слухи о возможном вторжении, сподвигнув других людей отвернуться от соседей. Он пресек все попытки международной торговли и заявил, что таков указ его отца. Поначалу это было разумным защитным маневром, но со временем, как вы видите, люди от этого только страдают.

Да, я видела. Видела, как это повлияло на Фрею и ее детей, а сейчас вижу, как сказывается на Коуле и Эвелин.

Некоторое время мы играем в тишине, пока у меня не остается три карты и мне не приходится тянуться к колоде. Мне достается принц мечей. Я улыбаюсь и поворачиваю карту к Грею.

– Ха! Не ты ли говорил, что я могу похитить короля при помощи этого?

– Всего одного. – Стражник бросает мне карту.

Я забираю короля к себе в руку.

– Теперь лишь вопрос времени, когда я выиграю.

– Посмотрим.

– А ты играл в карты с теми сотнями других девушек?

– Нет.

– Почему нет? – удивляюсь я.

– Это сложный вопрос, миледи. – Грей потирает подбородок. – Скорее всего, по той же причине, по которой мне не приходилось стоять перед ними с оружием.

– Ты меня оскорбляешь? – Я изучаю его.

– Нет. – Грей кладет червовую четверку. – Скорее совсем наоборот.

Не знаю, что с этим делать. Слова, сказанные в темноте посреди ночи, обычно намного значительнее, чем слова, сказанные в любое другое время.

– А с Рэном ты в карты играешь?

– Часто, – кивает Грей.

– Можно я задам еще один вопрос по поводу проклятия?

– Вы определенно можете попытаться.

Я кладу червовую двойку, оставаясь лишь с двумя картами в руках: с королем, которого я похитила, и с девяткой мечей. У Грея осталось четыре карты.

– Кого проклинали? Только Рэна? Или тебя тоже?

Грей делает глубокий вдох, и я уже не рассчитываю на ответ.

– Мой ответ на данный вопрос изменился со временем, миледи. Когда-то давно я бы сказал, что только Его Высочество пострадал. – Стражник кладет червовую девятку в стопку.

Девятка! Я вытаскиваю свою последнюю карту, но тут Грей переворачивает свои оставшиеся карты. У него все короли. Я поражена. Я наблюдала за тем, как он брал и отдавал карты с самого начала, но я бы никогда не подумала, что у него был хотя бы один король, не говоря уже о трех!

– Ты выиграл!

Грей не упивается победой, а просто начинает собирать карты.

– Сыграем еще?

– Конечно.

Мне очень хочется посмотреть, как он снова это проделает.

– Ты не закончил, когда говорил про то, кто же был проклят. Так если не Рэн, то, значит, ты? – спрашиваю я, пока Грей раздает карты.

– Не я. Не все так просто. – Стражник берет свои карты и поднимает взгляд на меня. – Вы еще не догадались? Проклятие мучает всех нас.

Глава 12

Рэн

Как и многое другое, сон ускользает от меня.

Я слушаю ветер, свистящий сквозь ставни. Огонь практически потух, но я не собираюсь подкидывать в него дрова. Холод вполне подходит моему настроению.

До утра остается не так много времени, но сквозь ставни не просачивается свет. Должно быть, еще слишком рано.

Я едва поспал. Хотелось бы винить во всем неровности матраса или колкость шерстяного одеяла, но, по правде говоря, всему виной были последние слова Коула, которые продолжали звучать у меня в голове: *«В течение пяти лет мы просили помощи, но наши просьбы остались без ответа. Народ голодает, наши родные умирают»*.

Мне бы хотелось винить незнание, но я не могу. Невзирая на то что я заточил себя в замке, я все равно знал, что происходило за его пределами.

Все это моя вина.

Я продолжаю думать о тех людях, которые сожгли дом Фрей.

«На одежде этого человека есть герб, – сказал Грей, – но я его не узнаю. Неплохое оружие. Лучше, чем у простых воров».

Их было пятеро. Они работали слаженно. Сожгли дом. Я не могу понять их мотивов. Если Фрея не врет, то...

Я заглушаю такие мысли. Думать в подобном ключе бесполезно. Все солдаты под моим командованием отправились за границу много лет назад, и у меня нет никого, кто мог бы обеспечивать контроль за соблюдением законов, которые давно забыты или игнорируются.

Трактирщик сказал, что прошло пять лет. Это чудо, что мои подданные падают передо мной на колени, особенно если учесть, что я вообще ничего не могу им предложить.

От ветра ставни бьются об окно, и я вздрагиваю от резкого звука.

Я так ни за что не усну. Мне нужно отвлечься. Надеваю ботинки, застегиваю камзол, меч и ремень оставляю на кресле. Не хочу будить жильцов и рисковать тем, что мои разговоры будут подслушаны, поэтому я тихо прокрадываюсь к открытой двери, чтобы позвать Грея.

Но Грея не видно.

Удивленный, я полностью распахиваю дверь. Мой начальник стражи сидит возле очага и играет в карты с Харпер.

Грей тут же меня замечает и встает. Его лицо не искажается от вины или досады, но, с другой стороны, и не должно.

Я не могу определить горячее и внезапное чувство, возникшее у меня в груди. Не злость и не горечь – их бы я узнал. Это что-то другое.

– Что вы делаете? – спрашиваю я.

– Играем в карты, – отвечает Харпер. – Говори тише.

– Я не с вами разговариваю.

– Мне все равно. Люди спят.

Грей отступает от камина и идет мне навстречу.

– Прошу прощения, милорд. Чем могу быть полезен?

Голос командора спокоен, формален и хорошо отрепетирован. Обычно он так разговаривает, когда не уверен, что я могу держать себя в руках.

– Трактир в безопасности? – спрашиваю я у него. – Или ты был занят, чтобы это проверить?

Лицо Грея не меняется.

– Трактир в безопасности.

– А лошади?

– Я не хотел уходить, пока вы спали.

– Я не сплю. Иди. Проверь.

Грей кивает, разворачивается на пятках и направляется к двери без лишних вопросов. Он едва останавливается, чтобы снять свой плащ с крючка возле двери, и исчезает во тьме и кружащемся снегу. Колючий ветер врывается в дом через дверной проем, заставляя пламя в камине трепетать. Холод достигает меня через всю комнату.

Я дохожу до нижних ступеней лестницы и занимаю место Грея возле очага. Его шесть карт остались брошенными маленькой кучкой на столе.

– Мы были как раз посередине партии, – говорит Харпер.

– Я вижу. – Я рассматриваю положение карт и поднимаю раздачу Грея. – Королевский выкуп?

– Грей научил меня. – Девушка складывает свои карты вместе, бросает их на отыгранную стопку, а затем откидывается назад, чтобы набросить плед на себя.

Я собираю карты и начинаю их тасовать. Мне хочется что-то доказать, но я не понимаю почему.

– Вы больше не хотите играть?

– Ты только что отправил моего оппонента на улицу в метель.

– У Грея есть обязанности, которые ему необходимо выполнять.

– Конечно, они у него есть.

Мои руки замирают на картах. Комната пропитана теплом от очага. Свет от пламени пляшет на лице Харпер, и ее глаза блестят, когда она смотрит на меня. У нее поразительный талант к игре на моих нервах.

Я выдерживаю ее взгляд.

– Если вы хотите мне что-то сказать, я настаиваю, чтобы вы говорили.

– Не думаю, что в этом есть необходимость.

Мы сидим в тишине, сверля друг друга глазами, пока Грей не возвращается. Он стряхивает снег с плаща и с волос. Если командор и чувствует напряжение, то он решает не обращать на него внимания.

– Лошади в порядке. Я не заметил никаких следов.

– Хорошо.

Я не оборачиваюсь на Грея, потому что не хочу быть первым, закончившим противостояние. Как только я об этом думаю, понимаю, что веду себя как мальчишка. Я чувствовал себя таким ничтожным, когда приказал Грею выйти в пургу.

Харпер отводит взгляд первой, но не похоже, что она признает поражение. Скорее всего, ей безразлично.

– Вам больше не нужна спальня, принц Рэн?

Как и раньше, она произносит мое имя и титул, как оскорбление. Меня это злит.

– А что?

– Мне бы хотелось поспать пару часов не в кресле. – Харпер перекидывает плед через руку и хромот к лестнице.

Походка девушка удивляет меня каждый раз. Харпер обладает твердой волей и уверенностью в себе, поэтому я ожидаю, что она будет двигаться с грацией и четкостью, которые так подходят ее характеру. Я понимаю, почему Эвелин сразу подумала о помолвке, призванной объединить две далекие нации. Харпер говорит в такой манере, которая не терпит неуважения. Она говорит как правительница, а не как подданная.

Определенно, у нее все болит от усталости и переохлаждения, потому что ее хромота стала еще более заметной, чем раньше. Девушка передвигается медленно, цепляясь за перила, чтобы подняться по лестнице. Как только она закрывается в комнате, я тут же остро чувствую присутствие Грея слева от меня.

Я смотрю на карты и тасую их.

– Садись, командор. Сыграем.

Грей садится. Я раздаю карты. Мы молча играем.

Я люблю карты. Мне нравятся игры в общем, особенно те, которые просты на первый взгляд, но вся их суть заключается в том, чтобы прочитать соигрока. Я очень любил играть с отцом. Когда был маленьким, он говорил мне, что в играх важны вовсе не карты в руках и не кубик на доске, а возможность понять то, как думает твой соперник.

Грей всегда играет так же, как и сражается: прямо, без сомнений. Он человек, которого тренировали быстро оценивать ситуацию и тут же действовать. Командор играет хорошо, но его ходы никогда не просчитаны заранее, а всегда являются ответом на мои действия.

Мне интересно, как же играет Харпер.

Часть меня ненавидит то, что Грей уже знает как.

– Как ты умудрился заставить ее играть с тобой? – спрашиваю я.

– Я ничего не делал. – Он кладет карту в стопку.

Я хмурюсь, вспоминая тщательно подобранные слова, которые привели к тому, что Харпер прижалась ко мне, когда мы ехали верхом.

– Ничего не получится. Она мне не доверяет. Хуже того, она меня презирает.

Грей набирает в грудь воздуха, будто хочет сказать что-то, но решает не говорить ничего, а просто подкидывает очередную карту в кучу.

– Говори, – прошу я его. – Что бы то ни было, Грей, говори.

– Со всем уважением, милорд, мне кажется, вы сами себя презираете.

Я фыркаю с отвращением.

– Мы с девчонкой практически воюем. Она озадачивает ежеминутно. Ты разве не видишь? Если мы сейчас не сделаем шаг вперед, то в будущем можно даже не надеяться на прогресс.

Грей ничего не отвечает, просто ждет, пока я сделаю ход.

Я вздыхаю и кладу карту в стопку.

– Я знаю, у тебя есть какие-то соображения, командор.

– Есть. И их предостаточно.

– Выкладывай.

Грей смотрит на меня.

– Вы прекрасно умеете предвидеть мои ходы. Мне иногда кажется, что вы уже знаете, какие карты я вытащу, еще до того, как я сам это решу. Даже тогда, когда вы не знаете, что у меня в раздаче.

Черт возьми.

– Я не про карты. – Я отбрасываю их, покончив с игрой. – Я хочу слышать, что ты думаешь по поводу девушки.

– Я это и делаю, – отвечает Грей. – Вы говорите о прогрессе, о трудностях в будущем. Ваши мысли, как всегда, простираются на двадцать шагов вперед.

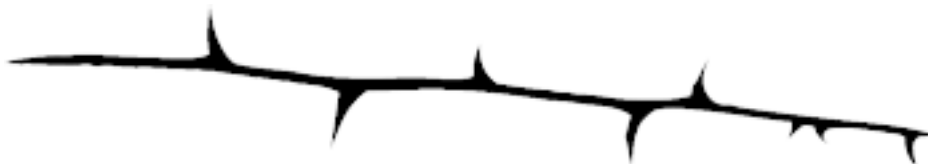
Я просто смотрю на командора.

Грей вздыхает и собирает карты.

– Вы спрашивали, как я умудрился заставить ее сыграть со мной. Как будто в этом был какой-то трюк. – Грей заворачивает колоду в ткань. – Милорд, я ничего не делал. Я просто сел и предложил.

Глава 13

Харпер

Мы возвращаемся в Замок Железной розы к утру. Часть меня хочет противиться этому, но я не могу оставаться в трактире, где все думают, что мы на стадии королевских переговоров. К тому же события последних двадцати четырех часов убедили меня в том, что до телефона мне придется добираться долго.

Как только мы возвращаемся в замок, Рэн ведет меня в ту же самую спальню через главный зал, мимо еды на столах и музыки, которая сегодня звучит медленно и уныло.

Я отказываюсь заходить внутрь.

– Если думаешь, что я позволю тебе снова запереть меня здесь, то тебе лучше подумать еще раз!

Глаза Рэна выглядят усталыми. Он вытаскивает ключ из замка и протягивает мне.

– Обед будет подан через несколько часов. Могу ли я рассчитывать на то, что вы не полезете вниз по шпалере в этот раз?

Мои суставы уже настолько окостенели, что даже ходить больно. Я вряд ли в скором времени захочу заниматься лазанием по стенам.

Я забираю ключ у Рэна.

– В этом не будет необходимости.

Рэну совсем не весело.

– Я скажу Грею, чтобы охранял у этой двери.

– Мне кажется, Грею нужно дать поспать.

– Это верно. Тогда, может, мне лично постоять на страже?

Взгляд потемневших глаз слишком тяжелый и придает вес его словам. Я вспоминаю о том моменте, когда Рэн шептал предупреждение мне в шею и его дыхание касалось моей кожи. Он обладает невероятным талантом складывать слова одновременно в скрытые угрозы и туманные обещания.

Яправляю выбившуюся прядь волос за ухо и смотрю в сторону.

– Тебе не нужно стоять на страже. – Я поворачиваюсь, чтобы перешагнуть порог, и резко замираю на месте.

Кровать заново заправлена, подушки взбиты. В камине потрескивает огонь. Пятна от пыли и грязи, которые я оставила на покрывале вчера, бесследно исчезли. На прикроватном столике стоит новая ваза с белыми цветами. В воздухе терпкий запах жасмина и жимолости.

– Замок следует predetermined порядку вещей, что вы уже наблюдали на примере музыки и еды. Точно так же и с вашей комнатой. Она будет ежедневно обновляться, – говорит Рэн за моей спиной.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

– А если я все тут поломаю? – спрашиваю я с очевидным сарказмом в голосе, но еще и с неподдельным интересом.

Рэн не ведется на провокацию.

– Попробуйте и посмотрите сами.

Я приближаюсь к вазе с цветами и наклоняюсь, чтобы их понюхать. Каждый лепесток идеален. В букете даже нет ни одного засохшего листочка.

– Они прекрасны.

Он кивает:

– Арабелла любила цветы. Вы часто будете видеть новые цветочные композиции, – спокойно говорит Рэн без каких-либо эмоций в голосе.

– Арабелла?

– Моя старшая сестра.

Я замираю. Мне не хочется его жалеть, но, стоя в этой комнате среди вещей его мертвой сестры, я не могу просто все это проигнорировать. Впервые я задумываюсь о том, каково это – жить в таком месте, где все постоянно ходит по кругу и начинается заново, за исключением семьи Рэна.

Он не двигается, и я не знаю, что сказать. Одно дело ему посочувствовать, а вот выразить сочувствие – это уже совсем другое.

Рэн спасает меня от неловкого молчания:

– Я вас оставлю, чтобы вы смогли передохнуть.

– Спасибо.

Он мешкает, пока закрывается дверь, и на мгновение мне кажется, что он меня все-таки обманет: запрет как-нибудь дверь или отберет обратно ключ. Однако с его стороны все-таки произошли изменения в отношении доверия, поэтому дверь просто закрывается, а Рэн уходит.

Я чувствую облегчение. Мне нужен перерыв. Пленница я или нет, но я не хочу быть грязной, поэтому забираюсь в ванну.

Вода идеальной температуры тут же вытягивает боль из мышц и смывает кровь и грязь с рук. Разнообразные баночки и бутылочки стоят на зеркальном подносе возле окна. Я понятия не имею, что есть что, но все средства пахнут чудесно, поэтому я выбираю флакончик и выливаю его содержимое в воду. Как только появляется пена, я тут же погружаюсь в нее, чтобы намылить волосы. Это приходится делать дважды – настолько они грязные. Затем я просто лежу в теплой воде и смотрю в потолок.

Когда я была маленькой и просыпалась от кошмаров, мама обычно говорила: «Тебе всего лишь нужно подумать обо мне, и я появлюсь в твоих снах. Я помогу тебе справиться со всеми ужасами». И это всегда очень хорошо работало. Я верила, что могу призвать маму мысленно, до тех пор, пока не стала слишком взрослой, чтобы верить в такие вещи. Сейчас я бы отдала все что угодно, лишь бы заставить маму прийти ко мне.

Я выбираюсь из ванны до того, как эмоции смогут взять верх.

Мне не хочется снова брать вещи у мертвой девушки, особенно у сестры Рэна, но практичность побеждает. Я же не могу ходить голышом.

Сегодня я выбираю черные бриджи из оленьей кожи, которые хорошо сочетаются со свободным красным топом с кожаными завязками по бокам. Без средств для укладки мои волосы выглядят как воронье гнездо, поэтому я даю им высохнуть и заплетаю в толстую свободную косу.

Дюжины разнообразных пар ботинок выстроены в ряд на полу под чередой платьев, и эта обувь сидит намного лучше, чем те ботинки, которые я нашла в конюшне. Я останавливаю свой выбор на черных сапогах до колен. Когда я мельком ловлю свое отражение в зеркале, на меня смотрит бывалая принцесса-воительница, и особый колорит придают неярко-синие-желтые пятна на левой стороне моего лица. Хорошо, что нет ни боли, ни отека. Этим я обязана Эвелин.

Я плюхаюсь на кровать и смотрю в потолок. Мысли о Джейке и маме мелькают у меня в голове, смешиваясь с беспокойством до тех пор, пока мне не становится тошно.

Мне нужно чем-то заняться. Не могу сидеть на месте.

Рэн не сказал, что мне нужно все время быть в комнате. Я открываю дверь, уверенная в том, что за ней на посту стоит Грей. Меня приятно удивляет пустой коридор. Скрипичная мелодия, раздающаяся снизу, заглушает все звуки. Я выскальзываю туда.

Заглядываю по пути в открытые комнаты. Каждая последующая убрана шикарнее предыдущей. Бархатные гобелены, меховые ковры, серебряные подносы с хрустальными бокалами. В некоторых комнатах стоят вино и небольшие подносы с едой.

В конце коридора обнаруживается широкая лестница. Я могу выбрать, куда пойти: вниз в темноту или вверх к свету. Я иду наверх.

Комнаты на третьем этаже больше тех, в которых я была до этого. Они больше похожи на апартаменты, чем на комнаты. Все двери распахнуты, приглашают сначала пройти в гостиную, а затем через двойные двери к пышно убраным кроватям и невероятным гобеленам на стенах.

Вдоль коридора напротив каждой двери располагаются широкие ниши, в которых нет мебели. Странно. Затем до меня доходит, что это пространство для стражников. Как будто тут были стражники, которые могли бы стоять на посту. Как будто тут были люди, которым необходима была охрана.

На четвертой комнате я начинаю уставать от изящной роскоши. Словно я изучаю музей без всяких поясняющих табличек.

Я заглядываю в пятую. Все, что я вижу, – это кровь.

Моему мозгу требуется секунда, чтобы все понять, и еще секунда, чтобы нос почуял запах меди. Стены пестрят кровью, всюду разные оттенки красного: темные кляксы на белых стенах, ржавые подтеки на постельном белье, огромные вязкие багряные лужи на мраморном полу.

Кровь – не самое ужасное, что есть в этой комнате. В лужах крови еще лежит что-то плотное и темное. Что-то подозрительно похожее на внутренние органы.

Пошатываясь, я хватаюсь за дверной косяк. Я не могу дышать, а перед глазами все плывет.

Никто не смог бы потерять столько крови и выжить. Никто не смог бы потерять столько... плоти.

Я кричу. Я не знаю, как долго я это делаю, но мое горло уже болит.

Влажный запах меди с чем-то более резким продолжает бить мне в нос. Мне кажется, у меня на языке лежит старая монета. Я затыкаю нос и рот. Перед глазами снова все расплывается. Я вот-вот упаду вперед и потеряю сознание в кровавой луже.

Сзади меня хватают руки и тащат назад.

– Харпер.

Голос Рэна. Его руки крепко сомкнуты вокруг меня. Твердая грудь прижата к моей спине.

Перед глазами у меня все еще стоит кровь. Крики переходят в тихие всхлипы.

– Харпер, посмотри на меня. – Рэн резко переворачивает меня к себе лицом и встряхивает. – *Посмотри на меня.*

Я смотрю на него.

Только Рэн. Один.

У меня в груди все обрывается. Если бы Рэн не держал меня, я бы вряд ли устояла на ногах.

– Грей? – спрашиваю я, срывающимся голосом. – Это Грей?

– Нет. Командор Грей в порядке, – поспешно заверяет меня Рэн, но при этом его голос не лишен мягкости. – Успокойтесь.

Я вдыхаю и снова чувствую запах крови, пропитавший воздух. У меня сжимается горло, и я практически складываюсь пополам. Мир вращается перед глазами, верх и низ меняются местами. Я отключаюсь.

Нет, не отключаюсь. Я двигаюсь по коридору, окутанная теплом. Комната ужаса удаляется, постепенно превращаясь в обычный дверной проем.

Усилием воли я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Рэна. Мое лицо оказывается прижато к его обнаженному плечу, что меня удивляет. Куртки и рубашки на Рэне нет, лишь какая-то свободная белая безрукавка, похожая на нательную майку. Воротник безрукавки мокрый, как и подбородок. Рэн теплый и пахнет мятой. Я замечаю белую полоску крема для бритья.

Так он брился.

Это так нормально, что обескураживает. Я могу закрыть глаза и притвориться маленькой девочкой, у которой жизнь еще не пошла под откос. Отец подхватил меня на руки, и я вдыхаю его запах, похожий на этот, но я не маленькая девочка, и меня несет не отец, а Рэн.

Я провожу рукой по лицу. Приятное воспоминание об отце доставляет мне не больше радости, чем увиденное кровавое месиво в той комнате.

– Поставь меня.

Я готова к тому, что Рэн откажется, но он останавливается и опускает мои ноги на землю. Мы на самом верху лестницы, и Рэн не отходит далеко. Его спокойствие одновременно обнадеживает и ужасает.

– Лучше? – тихо интересуется он.

Я не знаю.

– Та кровь настоящая?

– Вполне, – отвечает Рэн, и его лицо темнеет. – Вы отказались от охраны, помните?

– Поверь, я уже жалею об этом. – Я все еще переживаю, что меня стошнит на бархатный ковер. – Ты знал, что она там была?

– Конечно. – Рэн делает паузу. – Я обычно отправляю Грея, чтобы он запер двери, но с тех пор, как вы прибыли, мы были несколько заняты.

Это был довольно язвительный комментарий, но мои мысли смешиваются, пока я пытаюсь найти всему этому объяснение. Кровь была яркой, свежей и настоящей.

– Кто-то ранен?

– Нет, миледи. По крайней мере, не так, как вы думаете.

Я смотрю на Рэна:

– А как же тогда?

Выражение его лица трудно описать.

– Этот этаж – не место для слабого желудка. Можете идти?

– Могу. – Я хватаюсь за перила и делаю шаг вниз.

Мои пальцы дрожат из-за остатков адреналина. Я чувствую себя дерганой и неуравновешенной.

Рэн шагает рядом со мной в абсолютно беззаботной манере. Он настолько расслаблен, что я начинаю сомневаться в себе и думать, не показалось ли мне все это.

Мы доходим до лестничной площадки, и я поворачиваю, готовая направиться к себе в комнату, но Рэн идет дальше вниз.

– Пойдемте, – говорит он, указывая рукой направление. – В кухнях ничего пугающего нет.

У меня нет абсолютно никакого аппетита после увиденного в той комнате, но я все равно следую за ним. Он может поесть. Мне же нужна информация.

– Так это сотворило чудовище? – шепотом спрашиваю я. – Оно здесь?

– Нет. Кровь в той комнате – то еще зрелище, но в конечном счете по ее поводу не стоит беспокоиться. – Рэн погружается во мрак, не оставляя мне ничего другого, как следовать за ним.

Я стараюсь поспевать. После лестницы начинается сумрачный коридор, освещенный дрожащими огнями. Я чувствую теплый запах муки и дрожжей. Мне следовало изначально выбрать этот путь.

– Так кровь – это часть проклятия? – шепчу я.

Рэн поворачивается и разводит руками. Выражение его лица скептическое.

– Все, что вы видите, – часть проклятия.

Я не решаюсь спросить про его погибшую семью. У меня никак не получается сопоставить свежую кровь и людей, умерших много сезонов назад.

Мне не следует переживать, потому что голос Рэна остается обычным и бесстрастным.

– Не желаете ли немного вина? Я могу принести бутылку из погреба.

– Нет. Рэн...

Я сглатываю. Мой голос охрип.

Грей рассказал мне про сотни девушек. Кто-то из них выжил, но кто-то нет.

– Кто умер в той комнате?

– Никто.

– Это невозможно. – Я запинаюсь, задумываясь об очередном побеге отсюда, и отступаю поближе к выходу. – Эта кровь... Кровь последней девушки? Она умерла здесь?

– Нет. Она вернулась домой, когда сезон начался заново. Если не хотите вина, то, может быть, вам медовуха больше по нраву или...

– Да мне плевать, что мы будем пить!

Я становлюсь перед Рэном. Пульс стучит у меня в ушах, и я уверена, что мое лицо искажает ярость.

– Как ты можешь обсуждать обед, когда у тебя есть комната наверху, полная кровищи? – Я впечатываю ладонь в каменную стену. – Хватит увиливать от моих вопросов!

Рэн смотрит на меня спокойно. Свет от масляных ламп мерцает в его глазах.

– Я ответил на ваши вопросы достаточно прямо. Если вам так не кажется, то вы просто задаете неправильные вопросы. Что вы хотите знать?

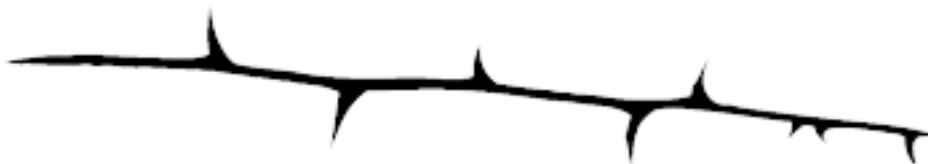
– Чья это кровь?

Когда Рэн отвечает, в его голосе слышна нотка злости, которую заглушает смирение с обстоятельствами.

– Кровь, которую вы видели, – моя.

Глава 14

Рэн

Я пересматриваю свое решение дать Харпер свободу. Она сочла мои бывшие покои ужасающими, и это не предвещает ничего хорошего. Если честно, то я должен, наверное, стоять перед ней на коленях и благодарить ее за то, что она снова не сбежала из замка, а добровольно последовала за мной в теплые недра королевских кухонь.

С этой частью замка у меня связаны приятные воспоминания. Я часто приходил сюда, когда был ребенком, и девушки-кондитеры угощали меня обрезками теста и чашками сладких сливок. Моя нянька дружила с поварихой, поэтому они обычно смеялись и сплетничали, пока я рисовал картины на муке, которая, кажется, покрывала на кухне все.

Визиты на кухню прекратились, и моя нянька исчезла, когда я спросил отца, почему ни одна девушка не может удержать его больше двух недель и почему моя мама – бедное создание.

Воспоминания же остались нетронутыми. После того как Лилит меня прокляла, после того как эхо пустующего замка начало преследовать меня, я начал искать убежища именно здесь. Тепло и сильный запах сахара и дрожжей напоминают мне о детстве, о времени, когда я был невинен.

Без прислуги кухня кажется огромной. Еда расставлена везде, выступает из теней. Дюжины буханок хлеба ждут своей очереди на полках возле печи, в которой ревет жаркое пламя. В огромном котле булькает суп с жареной кукурузой – его бы подали на ужин. Шесть фазанов томятся на медленном огне, поворачиваясь на вертеле над углями в другом конце комнаты. Овощи, нарезанные ломтиками, уже поджарены и выложены на тарелки. Повсюду сыр, орехи, выпечка.

Единственное свободное рабочее пространство – это огромный стол в центре кухни, усыпанный сахаром, корицей и заполненный кусками теста.

Харпер замирает на пороге и осматривается.

– Боже... Вот это да.

Я подхожу к столу, откладываю в сторону полоски теста и выдвигаю стул.

– Садитесь, миледи. Вина?

– Я почти уверена, что вино не помешает.

Я достаю бутылку из кладовой, расположенной в углу кухни. Харпер наблюдает за мной, пока я разливаю напиток.

Ее взгляд заставляет меня чувствовать себя неловко. Я лишился застенчивости много лет назад... По крайней мере, я так думал. Привык к пытливым и осуждающим взглядам. С Харпер все по-другому. Она мой последний шанс. Ставки невероятно высоки.

Как только бокалы наполнены, я протягиваю один Харпер, а сам осушаю свой одним глотком. Наливаю себе еще.

Девушка делает маленький глоток, наблюдая за мной.

– Так ты все-таки расстроен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.